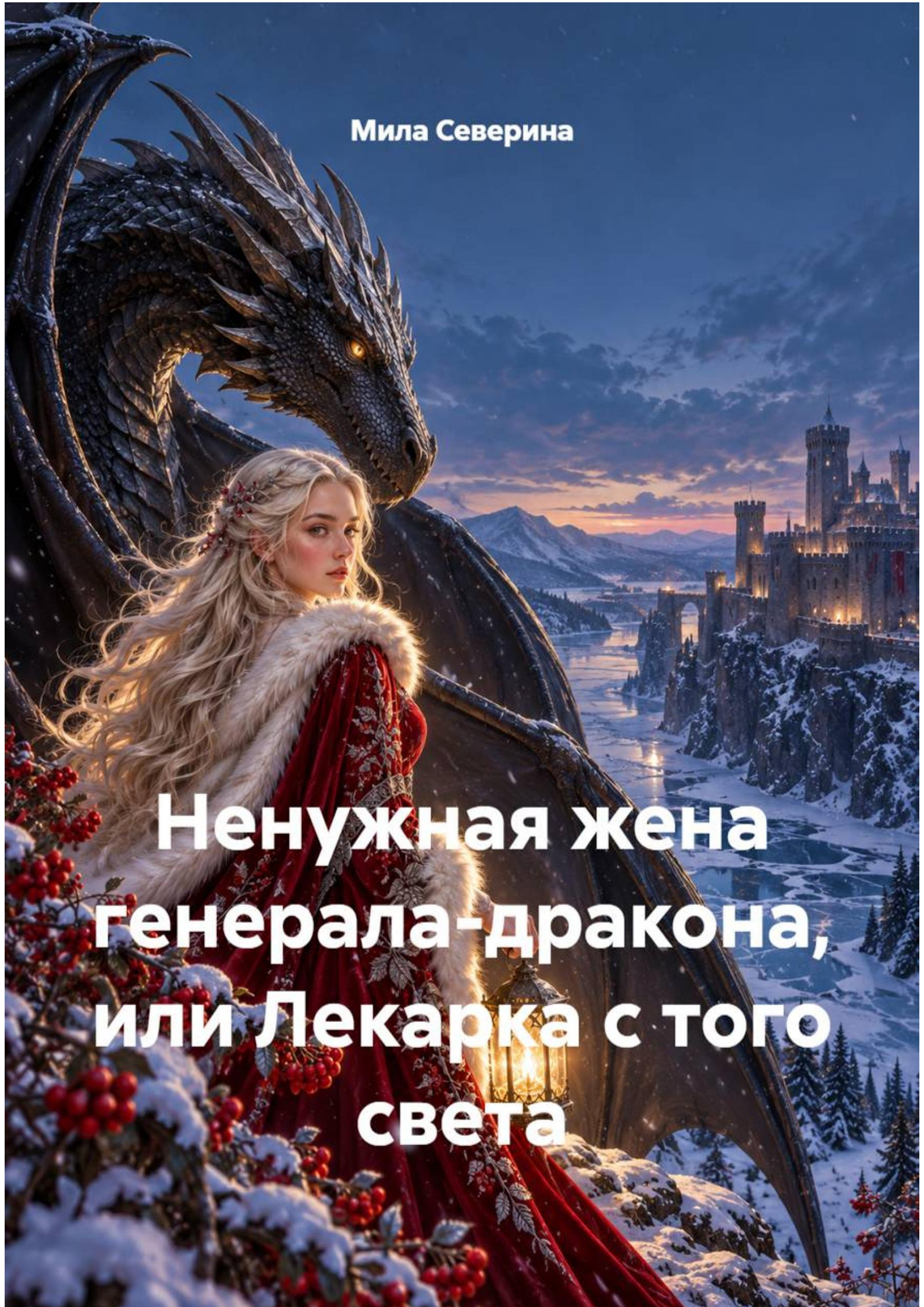

A woman with long blonde hair, wearing a red dress with a white fur collar and a floral pattern, stands in a snowy landscape. A large dragon with dark scales and glowing yellow eyes is positioned behind her. In the background, a large, illuminated castle sits on a hill, with a frozen river and snow-covered mountains in the distance. The sky is a mix of blue and orange, suggesting sunset or sunrise. Red berries are visible in the bottom left corner.

Мила Северина

**Ненужная жена
генерала-дракона,
или Лекарка с того
света**

Мила Северина

**Ненужная жена генерала-
дракона, или Лекарка с того света**

«Автор»

2026

Северина М.

Ненужная жена генерала-дракона, или Лекарка с того света /
М. Северина — «Автор», 2026

Я хирург. Двенадцать лет вытаскивала людей с того света, а потом сама уснула после суточного дежурства и не проснулась. Очнулась в чужом теле, с привкусом яда во рту. Теперь я Арианна Хальвард, ненужная жена генерала-дракона. Брак по указу короля, муж улетел на войну наутро после свадьбы, слуги смотрят сквозь меня, а кто-то в замке четыре месяца подсыпал мне яд в чай. Вечером во двор вносят на носилках самого генерала. Целитель гильдии обещает, что он поправится. Я вижу, что к утру он умрёт. Значит, придётся резать. При свечах, щипчиками для бровей, под рык дракона, которого никто не может унять. Никто, кроме меня. Спасти мужа. Найти отравителя. Открыть первую на Севере лечебницу. И получить развод. Только почему дракон не хочет меня отпускать?

Содержание

Пролог. Последнее дежурство	5
Глава 1. Отравленная	8
Глава 2. Хозяйка, которую никто не ждал	13
Глава 3. Генерал на носилках	19
Глава 4. Ночной обход	25
Глава 5. Операция при свечах	31
Глава 6. Утро после	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мила Северина

Ненужная жена генерала-дракона, или Лекарка с того света

Пролог. Последнее дежурство

Свет погас на словах «зажим, пожалуйста».

Не мигнул, не дрогнул, как бывает, когда в подстанции что-то щёлкает и через секунду всё возвращается. Просто исчез. Операционная провалилась в темноту так резко, будто кто-то сверху накрыл нас ведром. Перестал пищать монитор. Замолчал отсос. Где-то за стеной ахнула санитарка, и сразу же, совсем близко, глухо ударил гром.

— Генератор, — сказала я в темноту. Голос прозвучал удивительно спокойно. Хорошо. Хоть что-то во мне сегодня работало как надо. — Почему не включился генератор?

— Анна Сергеевна, он с весны барахлит, — шёпотом ответила Люда, моя операционная сестра. — Я же писала заявку...

Все писали заявки. Я тоже писала. Заявки — это у нас национальный вид спорта. Пишешь, подписываешь у заведующего, потом у главврача, потом бумага уезжает в область и там растворяется, как сахар в чае.

— Телефоны, — сказала я. — Все, у кого есть телефоны, — фонарики на стол. Люда, держи свет вот сюда, под мою левую руку. Олег Палыч, как давление?

Анестезиолог выругался коротко и по делу, потом щёлкнул чем-то, зашуршал.

— Ручным мерю. Девяносто на пятьдесят. Пульс сто двадцать. Аня, у меня аппарат на батарее, минут на сорок хватит, потом мешком дышать будем.

— Нам хватит двадцати, — сказала я.

Нам не хватило бы и двух часов, если бы я ошиблась. Но говорить это вслух было бессмысленно.

Вспыхнул один фонарик, второй, третий. Белые кружки света легли на зелёную простыню, на мои перчатки, на открытую рану. Мальчику на столе было шестнадцать. Его привезли сорок минут назад: ножевое в живот, драка у гаражей, кровь в брюшной полости. Мама осталась в приёмном, и я видела её лицо, когда пробежала мимо, — серое, как больничная стена.

— Ищем, откуда течёт, — сказала я. — Люда, салфетку. Ещё. Отсос не работает, значит, будем руками. Олег Палыч, кровь из банка подняли?

— Несут по лестнице. Лифт тоже встал.

Конечно, встал. Почему бы и нет.

Гром ударил снова, ближе. Окна операционной были закрашены белой краской до половины, и в верхней прозрачной полоске полыхнуло так, что на миг стало светло, как днём. Я успела увидеть то, что искала: тёмную струйку из-под края печени.

— Вот ты где, — сказала я ране. — Попался.

Люда хмыкнула. Она работала со мной шесть лет и привыкла, что я разговариваю с органами. Некоторые хирурги поют на операциях, некоторые ругаются. Я уговариваю. По-моему, это честнее.

Дальше было то, что я умею лучше всего на свете. Мир сжался до пятна света размером с блюдце, до моих рук, до ровного счёта в голове. Зажим. Шов. Ещё шов. Салфетка. Где второй источник? Нет второго источника. Слава богу. Проверяем кишку, метр за метром, как бельё на верёвке. Стенка цела. Здесь цело. Здесь... здесь тоже цело. Мальчику повезло так, как везёт

одному из ста: нож прошёл мимо всего важного и зацепил только край печени и сосуды брыжейки.

— Давление сто на шестьдесят, — сказал Олег Палыч, и я услышала, как он выдохнул. — Кровь принесли. Ставлю.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо, мой золотой. Держись.

За спиной кто-то тихо всхлипнул. Наверное, санитарка. Ей было девятнадцать, и она до сих пор плакала на каждой тяжёлой операции. Я её не гоняла. Пусть плачет, лишь бы держала фонарь ровно.

Когда я наложила последний шов на кожу, свет так и не вернулся. Мы вывезли мальчика в реанимацию в темноте, по коридору, где на подоконниках горели свечи из запасов старшей медсестры. Оказывается, у нас в отделении были свечи. Двенадцать лет работаю и не знала.

В реанимации пахло кварцем и мокрой тряпкой. Я ещё раз послушала мальчика, посмотрела на повязку, на мочу в мешке. Всё было правильно. Всё было хорошо.

Потом я вышла в приёмное, к маме.

Это самая тяжёлая часть работы. Не разрез. Не кровь. Вот этот момент, когда ты идёшь по коридору к человеку, и он видит тебя издалека, и встаёт, и у него на лице такое, что хочется отвернуться. И ты за эти двадцать шагов должна собрать лицо так, чтобы он всё понял раньше, чем ты откроешь рот.

Я собрала. Она поняла. И заплакала, вцепившись в мои руки, а я стояла и говорила какие-то правильные слова: про реанимацию, про завтра, про то, что пустят не сразу. Слова у меня всегда правильные. Я их двенадцать лет оттачиваю.

* * *

В ординаторской было холодно и пахло растворимым кофе. Отопление, видимо, тоже работало от электричества, а электричества по-прежнему не было. Кто-то оставил на столе свечку в банке из-под огурцов. Я села на продавленный диван и поняла, что больше не встану.

Двадцать шесть часов. Сутки и ещё два часа. Плановая холецистэктомия утром, потом аппендицит, потом бабушка с ущемлённой грыжей, потом обход, потом снова приёмное, потом этот мальчик. Где-то посередине — бутерброд, который я так и не доела. Он и сейчас лежал на подоконнике в пакете, грустный, засохший.

Телефон показывал одиннадцать процентов зарядки и одно непрочитанное сообщение. От соседки, Галины Петровны.

«Анечка, я твоего рыжего покормила. Он съел всё и требует ещё. Ты не переживай, работай. Я завтра тоже зайду».

Я улыбнулась экрану.

Бублик. Рыжий, наглый, девять килограммов чистого самомнения. Единственный мужчина в моей жизни, который ни разу меня не предал. Бывший муж, Дима, забрал при разводе телевизор, кофемашину и половину книг, а Бублика оставил. Сказал: «Он всё равно меня не любит». Это была, кажется, единственная правда, которую он сказал мне за последний год.

Развод мы оформили месяц назад. Быстро, без скандалов, без раздела квартиры: квартира была мамина, и Дима не посмел. Он ушёл к Светлане из гинекологии. Высокой, весёлой, на десять лет младше. Я узнала последней, как полагается. Всё отделение знало, а я узнала из его телефона, который он забыл на кухонном столе. Банально, как плохой сериал.

Я написала Галине Петровне: «Спасибо огромное. Я утром домой, к обеду отосплюсь и приду к вам с тортом». Отправила. Значок мигнул и повис. Связи не было.

За окном лило. Стекло дрожало от ветра. Я терпеть не могу такие ночи. С детства. С той ночи, когда мне было девять и мама лежала на кровати в нашем доме в Сосновке и держалась за живот, и тихо говорила мне: «Анечка, всё хорошо, сейчас приедут». Мама сама была фельдшером. Она знала, что это перитонит. Она знала, сколько у неё времени. Скорая не доехала. Метель замела дорогу так, что трактор нашёл машину только к утру.

Я тогда решила, что стану хирургом. Девятилетние часто такое решают. Большинство потом передумывает. Я не передумала.

Голова была тяжёлая. Странно тяжёлая, будто туда налили свинца. Затылок ломило уже часа три, но я списывала это на недосып. Хирурги вообще всё списывают на недосып. Это очень удобный диагноз.

Я откинулась на спинку дивана. Свеча в банке трещала. Где-то далеко, в другом крыле, завывала и смолкла сирена: видимо, подъехала очередная скорая. Надо будет встать. Надо будет спуститься в приёмное. Ещё пять минут.

Я подумала о мальчике в реанимации. О его маме, которая сидит сейчас под дверью на неудобном стуле. О Бублике, который, наверное, спит на моей подушке, раз хозяйки нет. О Диме, о Светлане из гинекологии, о том, что я, кажется, так и не научилась плакать по-человечески. О том, что генератор надо было починить ещё весной. Надо будет написать ещё одну заявку.

Затылок вспыхнул болью, яркой и чистой, как молния за окном.

Я успела подумать очень спокойно и очень профессионально: «Аневризма. Ну конечно. Как глупо».

Потом свеча погасла.

Или погасла не свеча, а я.

* * *

Темнота была долгой, тёплой и совсем не страшной. Я плыла в ней, как в ванне, и ничего не хотела. Ни встать, ни спуститься в приёмное, ни писать заявки. Это было так непривычно, что я почти засмеялась.

А потом в темноте появился голос.

Не мужской, не женский. Тихий, как шелест страниц.

«Ты лечишь, — сказал голос. — Ты держишь чужую жизнь в руках и не роняешь».

Я хотела ответить, что роняю. Что у каждого хирурга есть своё кладбище, и у меня оно тоже есть. Что я помню их всех по именам.

«Там, куда ты пойдёшь, тебя ждут, — сказал голос. — Там умирает та, кого не любили. И тот, кого нельзя потерять. Иди».

«Куда?» — хотела спросить я.

Но голос уже растаял, и вместо тепла пришёл холод. Настоящий, каменный, сырой холод, который пробирает до костей. И запах. Запах воска, дыма, старой шерсти и чего-то кислого, мерзкого, знакомого любому врачу.

Запах рвоты.

А следом за холодом и запахом пришла боль. Не в затылке. В животе. Скручивающая, жгучая, как будто в желудок насыпали раскалённого песка.

И чужой голос рядом, тонкий и испуганный:

— Миледи! Миледи, вы слышите меня? Ох, светлые силы, она не дышит...

Я дышала.

Я очень хотела бы не дышать, потому что каждый вдох отдавался огнём где-то под рёбрами. Но я дышала.

И ещё я открыла глаза.

Глава 1. Отравленная

Потолок был каменный.

Это первое, что я поняла. Не белая плитка ординаторской с жёлтым пятном от протечки, не серая штукатурка реанимации. Тёмные грубые камни, а между ними — балки, чёрные от копоти. С одной балки свисала паутина, тяжёлая, как старая кружевная салфетка.

Второе, что я поняла: меня сейчас вырвет.

Тело сработало раньше головы. Я перевалилась на бок, и кто-то успел подставить таз. Медный, судя по звуку. Желудок выворачивало долго и мучительно, с той особенной жгучей горечью, которую не спутаешь ни с чем. Во рту стоял металлический вкус, будто я облизала дверную ручку. Пальцы покалывало. Сердце колотилось часто и неровно, спотыкаясь через каждые несколько ударов.

— Миледи... миледи, тише, тише...

Над тазом нависло лицо. Женское, узкое, бледное, с тёмными волосами, гладко зачёсан-ными под белый чепец. Глаза круглые от испуга. Лет двадцать пять, не больше.

Я хотела спросить, где я. Хотела спросить, что случилось со светом, с генератором, с мальчиком в реанимации. Вместо этого из горла вырвался хрип, а за ним новая волна рвоты.

— Светлые силы, — пробормотала женщина, придерживая таз. — Опять. Магистр же говорил, что отвар поможет...

Отвар.

Слово зацепилось за что-то в моей голове. В той её части, которая не спала, не паниковала и не задавалась вопросом, почему потолок каменный. В той части, что двенадцать лет дежурила в приёмном и привыкла собирать картину из обрывков.

Металлический привкус. Рвота. Покалывание в пальцах. Сердце сбоит. Слабость такая, что не поднять руку.

Это не аневризма. Аневризма — это голова, это внезапно, это я теряю сознание и больше не прихожу в себя. А я пришла в себя. Вот она я. Лежу на боку над медным тазом, и у меня все признаки острого отравления.

Чем?

— Что... — Голос был не мой. Слишком высокий, слишком тонкий, сорванный. — Что я пила?

Женщина моргнула.

— Миледи?

— Что я пила, — повторила я, цепляясь за край кровати. Кровать тоже была не моя: высокая, с резными столбиками и пыльным пологом. — Перед тем как мне стало плохо. Что я ела, что пила?

— Как всегда, миледи. — Она растерянно оглянулась на столик у кровати. — Вечерний чай. Ваш укрепляющий чай, который магистр Хорвен прислал ещё с лета. Вы же сами просили, говорили, что от него лучше спите...

На столике стояла чашка. Тонкий фарфор, золотой ободок, на дне — коричневая жижа.

— Не трогай, — сказала я.

Женщина замерла с протянутой рукой.

— Не трогай чашку. Пусть стоит. — Я сглотнула кислую слюну и заставила себя думать. Первое — убрать яд из желудка. Второе — связать то, что осталось. Третье — пить, пить, пить, пока почки не вынесут всё лишнее. Ни одной капельницы. Ни одного шприца. Я даже не знаю, где я. Значит, работаем тем, что есть. — Мне нужна вода. Тёплая. Много, кувшин, лучше два. И соль. И уголь.

— Уголь? — переспросила женщина таким тоном, будто я попросила живую лягушку.

— Уголь. Из камина. Берёзовый, если есть. — Я посмотрела на неё и вдруг поняла, что не знаю её имени. И одновременно знаю. Странное ощущение, как будто имя лежит на языке, но язык чужой. — Нора.

Она вздрогнула.

— Да, миледи?

Значит, Нора. Значит, имя пришло само. Я решила подумать об этом потом. Сейчас было не до мистики.

— Нора, иди на кухню. Принеси тёплой воды, соли и ещё одну чашку, чистую. Быстро.

— Но магистр велел, если вам станет хуже, давать ещё отвара...

— Нора. — Я посмотрела ей прямо в глаза. Это взгляд, которым я разговариваю с пьяными в приёмном, когда они пытаются уйти с капельницей в вене. Он работает в любом мире, судя по всему. — Иди. На кухню.

Она ушла. Вернее, выскочила из комнаты, путаясь в длинной серой юбке. Дверь хлопнула, по коридору затопали шаги и стихли.

Я осталась одна.

* * *

Первым делом я сползла с кровати.

Это было ошибкой. Ноги подогнулись, и я рухнула на холодный каменный пол, больно приложившись коленями. Пол был покрыт вытертым ковром, но ковёр помогал мало. Где-то в груди сердце сделало кульбит и сбилось с ритма. Я переждала, глядя на собственные руки, упёртые в ворс.

Руки были не мои.

Мои руки — широкие, с короткими ногтями, с жёсткой кожей от бесконечного мытья и антисептиков, с маленьким шрамом на большом пальце левой руки: в ординатуре порезалась скальпелем. Эти руки были узкие, тонкие, белые до синевы. Длинные пальцы. Ногти бледные, ломкие, и на каждом — поперечная белая полоска, будто кто-то провёл по ногтю мелом.

Я смотрела на эти полосы, и мне становилось холодно.

Такие полосы бывают при тяжёлых отравлениях некоторыми ядами. Когда яд поступает не один раз, а долго, понемногу, неделями. Ноготь растёт, и на нём, как на годовых кольцах дерева, остаётся след. Я видела такое один раз в жизни, ещё студенткой, на разборе у профессора Гольдберга. Он тогда сказал: «Запомните, коллеги. Ногти не врут. Человек может врать, анализы могут врать, а ногти — никогда».

Значит, это не первый раз. Значит, кто-то травил хозяйку этих рук долго и терпеливо. А сегодня, похоже, решил закончить.

Хозяйку этих рук. Я поймала себя на этой мысли и не стала её отгонять. Хорошо. Допустим. Допустим, я умерла в ординаторской от разрыва аневризмы. Допустим, тот голос в темноте мне не приснился. Допустим, я сейчас в чужом теле, в чужой комнате с каменным потолком, и меня травят. Это безумие, но с безумием я разберусь потом. Сначала — желудок.

Камин был в трёх шагах. Я проползла их на четвереньках, как младенец. В камине тлели угли, красные под серой шубой пепла, а рядом лежали поленья. Светлые, с чёрными полосками на коре. Берёза. Слава богу. Или кто тут у них за богов.

Я выкатила кочергой несколько остывших угольков с краю, где огонь уже погас, завернула их в край подола и стала бить по ним тяжёлым медным подсвечником, который стоял на каминной полке. Получалось плохо. Руки дрожали. Но через минуту у меня на подоле была горстка чёрного порошка вперемешку с крупными кусочками.

Сойдёт.

Дверь открылась. Я подняла голову.

Это была не Нора. В проёме стояла совсем юная девушка, почти девочка, лет семнадцати. Курносая, веснушчатая, в коричневом платье и переднике. В руках она держала поднос с кув-

пином и глиняной кружкой. Увидела меня на полу у камина, с подолом, полным угля, и подсвечником в руке, и глаза её стали размером с блюда.

— Миледи...

— Ты кто? — спросила я.

— Лиси, миледи. С кухни. Нора прибежала, сказала, вам плохо, велела воды... А Тильда сказала, чтобы я несла, а Нора пусть за солью ходит, раз она такая... — Она запнулась и покраснела. — Простите, миледи.

— Лиси, — сказала я, — ты очень вовремя. Иди сюда. Нет, не пугайся. Помоги мне встать. Вот так.

Она помогла. Руки у неё были сильные, рабочие, тёплые. Она довела меня до кровати, усадила, подложила подушки. Я налила полкружки воды из кувшина, ссыпала туда угольную крошку, размешала пальцем. Вода стала чёрной и мутной, как болото.

— Миледи, — прошептала Лиси, — вы это... пить будете?

— Буду, — сказала я и выпила.

Вкус был отвратительный. Песок, пепел, сырость. Я проглотила всё до дна, потом налила ещё воды, уже чистой, и выпила тоже. Желудок возмутился, но удержал.

— Уголь собирает на себя дурное, — объяснила я, увидев, что девочка смотрит на меня как на сумасшедшую. — То, что съел, а не надо было. Он как губка. А потом всё это выходит вместе с ним.

— Как губка, — повторила Лиси с сомнением. — А Тильда говорит, уголь — это для печки.

— Тильда права. Но и для этого тоже.

В коридоре снова застучали шаги. Вернулась Нора, с маленькой солонкой и ещё одной чашкой. Чашка была фарфоровая, тоже с золотым ободком, и над ней поднимался пар.

— Я принесла соль, миледи. И свежего отвара, магистр говорил, что в тяжёлые ночи надо пить двойную...

— Поставь, — сказала я.

Она поставила чашку на столик, рядом с первой. Я посмотрела на неё. Нора опустила глаза.

Есть одна вещь, которой учит приёмное отделение. Люди врут. Все. Пьяные врут, что выпили «одну рюмочку». Мужья врут, что жена «сама упала с лестницы». Бабушки врут, что принимают таблетки. Я видела столько вранья, что научилась чувствовать его кожей, как сквозняк. И сейчас от Норы тянуло этим сквозняком так, что у меня мурашки побежали по рукам.

Но я была слаба. Очень слаба. Я не знала, где я. Я не знала, кто меня окружает. И если Нора действительно травила хозяйку этого тела, то уличить её сейчас значило подписать себе приговор. Она вернётся ночью. С подушкой, например. И я ничего не смогу сделать.

Поэтому я сказала:

— Спасибо, Нора. Я выпью позже, когда желудок успокоится. Иди спать. Со мной посидит Лиси.

— Но, миледи...

— Иди, Нора.

Она постояла, кусая губу. Потом присела в коротком поклоне и вышла. Я слушала её шаги, пока они не стихли.

— Лиси, — сказала я, — закрой дверь на засов. Пожалуйста.

Девочка закрыла. Потом обернулась и уставилась на меня, сжав пальцами передник.

— Миледи... а вы почему отвар-то не пьёте?

— Потому что от него мне плохо, — честно ответила я. — Можно я тебя попрошу? Если Нора спросит, ты не видела, пила я или нет. Ты не знаешь. Ты спала.

Лиси долго смотрела на меня. На подол платья, вымазанный углем. На две чашки на столике. Потом её лицо медленно стало серьёзным, совсем не детским.

— Я ничего не видела, миледи, — сказала она. — Я спала.

Умная девочка. Я её уже любила.

* * *

Ночь была длинной.

Я пила тёплую подсолённую воду, кружку за кружкой. Меня ещё дважды вырвало, уже чёрным, угольным. Потом стало легче. Сердце понемногу выравнилось, перестало спотыкаться. Покалывание в пальцах осталось, но уже не такое злое. Лиси сидела на табуретке у кровати, клевала носом, вздрагивала, подливала воду и снова клевала.

А я лежала и вспоминала.

Вспоминала чужую жизнь. Она приходила обрывками, когда я переставала её звать. Как сон, который пытаешься удержать утром, а он ускользает, а потом вдруг выныривает посреди дня от какого-нибудь запаха.

Вот мне двенадцать. Нет, не мне. Ей. Большой каменный дом в столице, в Лирне, белая лестница, по которой нельзя бегать. Красивая женщина в зелёном шёлке смотрит холодно и говорит: «Арианна, сядь прямо. Ты дочь лорда Лейна, а не прачки». Мачеха. Отец где-то далеко, всё время далеко, с бумагами, с королевскими счетами.

Арианна. Меня зовут Арианна. Её звали Арианна.

Вот ей двадцать. Храм, высокие своды, запах ладана и холодный свет из узких окон. Рядом мужчина. Огромный, в чёрном мундире с серебряным шитьём. Тёмные волосы, жёсткое лицо, белый шрам через бровь. Он не смотрит на неё. Он смотрит прямо перед собой, на жреца, и произносит клятву ровным голосом, как читают приказ по полку. Когда их руки связывают белой лентой, его пальцы горячие, обжигают горячие, и она вздрагивает. Он замечает это и отпускает её руку сразу, как только лента развязана.

А вечером, на пороге её спальни, этот мужчина говорит, не переступая порога:

«Это брак по указу короля, леди Арианна. Мы оба это знаем. Я улетаю на рассвете. Вы отправитесь в Хальвард, в мой дом на севере. Там у вас будет всё необходимое. Не ждите меня».

И уходит. А она стоит в свадебном платье посреди спальни, полной цветов, и не плачет, потому что мачеха сказала, что плакать — это для прачек.

Генерал. Мой муж — генерал. Нет, её муж. Генерал Рейнар Хальвард, лорд Северной марки.

И он дракон.

Последнее слово всплыло в голове с такой будничной уверенностью, что я даже не удивилась. Просто лежала и смотрела на балку с паутиной. Дракон. Ну конечно. Почему бы и нет. Я умерла от аневризмы, очнулась в теле отравленной аристократки, и мой новый муж — дракон. Отличный вторник.

На этом месте я, кажется, засмеялась. Тихо, в подушку. Лиси вздрогнула и проснулась.

— Миледи? Вам худо?

— Нет, — сказала я, вытирая глаза. — Мне лучше. Правда. Спи, Лиси.

Она снова задремала. А я лежала и думала дальше.

Где сейчас генерал? Память Арианны подсказывала: на войне. Война на севере, с морве-нами, степняками из-за Волчьего перевала. Война идёт три года. Генерал командует Северной армией. Он прислал за четыре месяца два письма. Оба — управляющему крепостью. Жене — ни одного.

А жена писала. Каждую неделю. Не ему.

Я нахмурилась. Эта мысль была какой-то особенно тёмной, липкой, и память отдала её неохотно. Письма. Каждую неделю письмо в столицу. Мачехе. Что-то про генерала, про крепость, про людей. Арианна писала и плакала над этими письмами. Почему?

Ответа не было. Память захлопнулась, как створка раковины.

Ладно. Потом.

Ближе к рассвету меня потянуло в сон, тяжёлый, вязкий. Я не сопротивлялась. Яд вышел. Сердце билось ровно. Самое страшное было позади. Тело Арианны было слабым, истощённым, но молодым. Молодые тела удивительно живучи. Я много раз видела, как двадцатилетние выкарабкиваются оттуда, откуда не выбрался бы никто старше сорока.

Перед тем как уснуть, я протянула руку к столику, взяла вторую чашку с отваром, ту, которую принесла Нора, и вылила его в медный таз. А потом взяла первую, с остатками на дне, и спрятала под подушку. Фарфор был холодный и гладкий.

Улика, подумала я. Профессор Гольдберг бы одобрил.

* * *

Проснулась я от света.

Серого, скупого, северного. Он сочился сквозь узкое окно со свинцовым переплётом и ложился на ковёр бледным квадратом. Лиси на табуретке не было. Засов на двери был отодвинут. На столике стоял свежий кувшин с водой и лежал кусок хлеба на тарелке.

Я села. Голова кружилась, но терпимо. Тошнота ушла. Осталась слабость, тянущая, ватная, и жуткий голод.

Я съела хлеб. Весь, до крошки. Запила водой. Потом посидела, собираясь с силами, и встала.

В углу комнаты стояло зеркало. Большое, в тяжёлой раме, чуть мутное по краям. Я подошла к нему, держась за столбик кровати, потом за спинку кресла, потом за стену.

И посмотрела.

Из зеркала на меня смотрела девушка. Тонкая, почти прозрачная, в длинной белой сорочке, испачканной на подоле углем. Пепельно-русые волосы спутались и висели до пояса. Лицо узкое, с острыми скулами и высоким лбом. Красивое лицо, наверное, если бы не серая кожа, не синие тени под глазами, не потрескавшиеся губы. Глаза серые, большие, испуганные.

Нет. Глаза были не испуганные. Это у Арианны, наверное, были испуганные глаза. А сейчас из-под её ресниц смотрела я: усталая, злая, очень трезвая женщина тридцати четырёх лет, которая вчера зашила мальчику печень при свете телефонных фонариков.

Я подняла руку. Отражение подняло руку. Я коснулась своей щеки. Отражение тоже.

— Ну, здравствуй, Арианна, — сказала я ей тихо. Голос всё ещё был чужой, но уже не такой силовой. — Похоже, теперь мы с тобой одно.

Отражение молчало.

— Тебя травили, — сказала я. — Долго. Ногти не врут. Кто-то очень хотел, чтобы ты тихо умерла в этом каменном мешке, и никто бы даже не удивился. Бледная, слабая, тоскует по дому. Захлахла. Бывает.

Я смотрела на неё, на эту девочку, которую не любили. Которую мачеха учила не плакать. Которую муж оставил на пороге спальни. И чувствовала, как внутри меня поднимается то самое, что поднимается, когда в приёмное привозят избитую жену, а муж стоит рядом и рассказывает про лестницу.

Холодная, очень спокойная ярость.

— Я не знаю, куда ты ушла, — сказала я отражению. — Надеюсь, туда, где тепло и где тебя любят. А здесь теперь я. И я тебе обещаю: тот, кто это сделал, ответит. А я не умру. Не дождутся.

Где-то внизу, во дворе, залаяла собака. Хлопнула дверь. Мужской голос крикнул что-то про дрова.

Чужой мир просыпался.

Я отвернулась от зеркала и пошла искать одежду.

Глава 2. Хозяйка, которую никто не ждал

Одеться оказалось сложнее, чем пережить отравление.

В огромном резном шкафу висели платья. Шёлковые, атласные, бархатные, с кружевами, с вышивкой, с крошечными пуговками от горла до пояса. Голубые, жемчужные, нежно-розовые. Столичные. Все они застёгивались сзади, все требовали корсета и все были рассчитаны на то, что рядом стоит горничная и терпеливо затягивает шнуровку.

Я перебрала их по одному и вздохнула. Арианна, девочка моя, как ты в этом жила? В каменном замке на севере, где из окна дует так, что колыхнется гобелен на стене?

На самом дне шкафа, под сложенными шальями, нашлось одно простое платье. Тёмно-синее, шерстяное, с завязками спереди. Явно не столичное. Может быть, его положили «на всякий случай», а может быть, оно осталось от прежних хозяек. Я надела его на сорочку, затянула пояс, натянула шерстяные чулки и мягкие кожаные туфли без каблука. Волосы заплела в косу, как в студенчестве, и замотала вокруг головы, чтобы не мешались.

Посмотрела в зеркало. Бледная, худая, с синяками под глазами. Но уже похожа на человека, а не на привидение из готического романа.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась курносая физиономия.

— Миледи? Вы встали?

— Встала, Лиси. Заходи.

Лиси вошла и остановилась, глядя на меня во все глаза.

— Ой, — сказала она. — Это же старое платье покойной леди Хальвард. Матушки генерала. Его Гримсон велел убрать, а потом, видно, забыли...

— Ну вот, — сказала я. — Пригодилось. Ты завтракала?

Лиси растерялась так, будто я спросила её, умеет ли она летать.

— Я... да, миледи. На кухне.

— Отлично. Тогда води меня на кухню.

— Вас? — Она уставилась на меня. — На кухню? Миледи, но вы же... вы никогда... Вам Нора всегда наверх носила. Вы и из комнат-то не выходили, почитай, с самого лета.

Вот как. Значит, Арианна сидела здесь четыре месяца, как в башне. Ела то, что приносила Нора. Пила то, что заваривала Нора. И медленно умирала, а все вокруг думали, что столичная неженка тоскует по балам.

— Значит, пора выйти, — сказала я. — Кстати, где Нора?

— Спит ещё, миледи. Она поздно ложится. — Лиси помолчала и добавила тише: — Она спросила меня утром, пили вы отвар или нет.

— И что ты ответила?

— Что я спала, миледи. — Лиси посмотрела на меня серьёзно. — И что чашка была пустая.

Я кивнула. Девочке семнадцать, а она уже соображает лучше половины моих интернов.

* * *

Крепость Хальвард была огромной, холодной и пустой.

Мы спускались по винтовой лестнице, где ступени были стёрты посередине тысячами ног, проходили по длинным коридорам с гобеленами, на которых скакали выцветшие всадники и летали выцветшие драконы. Из узких окон тянуло холодом и запахом реки. Где-то далеко внизу гудела вода: крепость стояла на скале, и под ней шумела Ледянка, быстрая и чёрная.

Слуги, которых мы встречали, замирали. Сначала замирали, потом кланялись, потом, когда я проходила мимо, начинали шептаться за моей спиной. Я слышала обрывки: «...сама вышла...», «...бледная-то какая...», «...столичная...».

Столичная. Это слово звучало так, как в нашей больнице говорили «проверяющий из министерства». С вежливой неприязнью и тайной надеждой, что скоро уедет.

Кухня оказалась в подвальном этаже, огромная, жаркая, с низкими сводами. Две печи, длинный дубовый стол, медные кастрюли на стенах, связки лука и трав под потолком. Пахло дрожжами, дымом и чем-то мясным. После промозглых коридоров это был рай.

У стола стояла женщина. Я сначала решила, что это не женщина, а небольшой шкаф в переднике. Высокая, широкая, с руками как у грузчика, по локоть в муке. Седые волосы убраны под платок, лицо красное, круглое, с маленькими острыми глазками. Она месила тесто и что-то сердито выговаривала мальчишке у печки.

Увидев меня, она перестала месить. Мальчишка уронил полено.

— Тильда, — тихо сказала Лиси, — это миледи. Она сама пришла.

— Вижу, что не принесли, — проворчала Тильда. Вытерла руки о передник, поклонилась коротко, без подобострастия. — Доброе утро, миледи. Что-то надо? Нора не заболела часом, раз вы сами спустились?

— Доброе утро, Тильда, — сказала я. — Нора здорова. А я голодная.

Тильда приподняла бровь.

— Голодная. Так. Нора вам завтрак не носит?

— Носит, — сказала я. — Только я его не хочу. Я хочу чего-нибудь горячего. Бульон, если есть. Кашу. Хлеб. И чай, только не мой. Обычный, какой вы сами пьёте.

Тильда смотрела на меня долго, прищулив свои маленькие глазки. Я выдержала взгляд. Потом она вдруг шагнула ко мне, взяла меня за запястье своей огромной лапищей и подняла мою руку к свету, как поднимают на рынке тушку курицы.

— Кожа да кости, — сказала она с отвращением. — Это что ж вас в столице-то не кормили? Или у нас не жрёте? Нора каждый день полный поднос наверх таскает, а обратно пустой несёт. Куда девается, спрашивается?

Хороший вопрос, подумала я. Очень хороший вопрос.

— Не знаю, Тильда, — сказала я. — Мне в последнее время совсем не хотелось есть. А сегодня захотелось.

— Ну так и правильно. — Тильда отпустила мою руку. — Садитесь. Лиси, табурет миледи. Нет, не этот, этот шатается. Митька, курицу из котла достань, живо.

Через десять минут передо мной стояла глиняная миска с куриным бульоном, жирным, золотистым, с кружочками моркови и зеленью. Рядом — ломоть тёмного хлеба, ещё тёплого, и кружка с травяным чаем, пахнущим мятой и мёдом.

Я ела. Ела медленно, маленькими глотками, как велела бы своему пациенту после отравления. Желудок принимал бульон с благодарностью. Тепло разливалось по телу, от живота к рукам, к онемевшим пальцам.

Тильда стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела, как я ем. Лиси сидела на краю лавки. Мальчишка Митька подглядывал из-за печки.

— Вкусно, — сказала я, когда миска опустела. — Тильда, вы волшебница.

— Я кухарка, — отрезала Тильда. Но щёки у неё порозовели ещё сильнее. — Волшебники у нас в гильдии сидят, в столице, в бархатных мантиях. Ещё налить?

— Налейте.

Она налила. Я ела вторую миску, а она вдруг села напротив на лавку, тяжело, со вздохом, и спросила совсем другим голосом, тихим:

— Миледи, вы уж простите, что спрашиваю. Вы болеете чем? Лиси говорит, вам ночью совсем худо было.

Я посмотрела на неё. На её красное доброе лицо, на руки в муке. Можно ли ей доверять? Я не знала. Я никого здесь не знала. Но в приёмном отделении быстро учишься понимать людей

по рукам, по глазам, по тому, как они смотрят на чужую боль. Тильда смотрела на меня так, как смотрела бы на голодного щенка. Сердито и жалостливо одновременно.

— Не болею, — сказала я осторожно. — Мне кажется, я съела что-то не то. Скажите, Тильда, кто заваривает мне чай по вечерам?

— Чай-то? Нора и заваривает. Сама. Там, наверху, у неё жаровенка в каморке и коробка с травами. Столичными какими-то, от гильдейского магистра. Мне не даёт. Говорит, особый сбор, укрепляющий, его только по правилам заваривать можно. — Тильда фыркнула. — Укрепляющий. Оно и видно, как вы укрепились.

Я кивнула и промолчала. Тильда помолчала тоже. Потом сказала, глядя в сторону:

— Вы бы, миледи, ко мне приходили есть. Сюда. Тут тепло. И я сама вам всё сготовлю.

— Приду, — сказала я. — Спасибо, Тильда.

* * *

Мажордом нашёл меня на лестнице.

Высокий, сухой старик в чёрном камзоле, с цепью на груди и белыми бакенбардами. Он стоял на площадке, сложив руки за спиной, и смотрел на меня сверху вниз так, будто я была пятном на ковре.

— Миледи, — произнёс он и поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет, ни на волос ниже. — Мне сообщили, что вы спустились на кухню.

— Доброе утро, — сказала я. — Вы, должно быть, Гримсон.

Его брови едва заметно дрогнули. Видимо, Арианна не называла его по имени. Или вообще не разговаривала с ним.

— Да, миледи. Мажордом крепости Хальвард. — Он сделал паузу. — Позвольте напомнить вам распоряжение лорда-генерала. Вам отведены покои в восточном крыле. Всё необходимое вам доставляют туда. Хозяйство крепости ведётся по заведённому порядку, и лорд-генерал просил вас не утруждать себя заботами о нём.

Красиво сказано. «Не лезь не в своё дело» на языке придворного этикета.

— Я не утруждала себя заботами о хозяйстве, Гримсон, — ответила я. — Я утруждала себя завтраком. Мне стало плохо ночью, и я решила, что горячий бульон поможет больше, чем укрепляющий отвар. Тильда со мной согласилась.

— Миледи нездорова? — Голос его не изменился. — Я пошлю гонца в Стылый Брод за лекарем.

— Не нужно. Мне уже лучше.

Он поклонился снова.

— Как будет угодно миледи. Также я должен сообщить вам новость. Вчера вечером прибыл гонец с перевала. Война окончена. Морвены подписали перемирие. Лорд-генерал возвращается в Хальвард с частью армии и будет здесь к первому снегу.

Он говорил это ровно, бесстрастно, но я заметила, как блеснули его глаза. Он любил своего генерала. Это было видно. И, похоже, очень не любил его жену.

— Хорошая новость, — сказала я. — Спасибо, Гримсон.

— Миледи. — Он поклонился и отступил в сторону, пропуская меня.

Я поднялась по лестнице, чувствуя спиной его взгляд.

* * *

В покоях было пусто. Нора не появлялась. Лиси я отпустила на кухню, к Тильде, а сама села за маленький письменный стол у окна и открыла шкатулку.

Шкатулка была дорогая, перламутровая, с серебряным замочком. Ключик висел на цепочке у меня на шее: я обнаружила его утром, когда одевалась. Внутри лежали письма. Много писем, перевязанных лентами. И одна тонкая тетрадь в кожаной обложке, запёртая на маленькую застёжку.

Тетрадь я отложила. Дневник, судя по всему. Читать чужой дневник казалось почти неприличным, хотя чей он теперь чужой, если тело моё? Потом. Сначала письма.

Письма были от мачехи. Все до одного. Тонкая бумага с водяными знаками, ровный наклонный почерк, ни одной кляксы.

«Арианна. Твоё последнее письмо слишком коротко. Ты пишешь, что генерал не прислал вестей. Это недостаточно. Мне нужно знать, кто бывает в крепости, кто получает письма от генерала, о чём говорят офицеры, когда приезжают за припасами. Узнай, сколько в крепости солдат и есть ли у генерала связи с морвенскими купцами. Ты не дитя, ты понимаешь, о чём я прошу».

«Арианна. Я крайне недовольна. Граф В. ждёт подробностей, а ты пишешь мне о погоде. Напоминаю тебе, что твой брат Тимоти в этом году должен быть определён в учение. Ты знаешь, как слаб его здоровье. Военная школа в Остенграде сурова, и ему там не выжить. Но если ты будешь послушна, я найду для него место при гильдии писцов в Лирне. Всё зависит от тебя».

«Арианна. Последний раз предупреждаю».

Я читала и чувствовала, как холодеют пальцы. Не от яда в этот раз.

Значит, вот что это были за письма. Арианну заставляли шпионить за собственным мужем. Мачеха, а за ней некий граф В. И держали её на крючке младшим братом. Слабым, больным мальчиком, которого можно отправить туда, где он не выживет.

Под письмами лежали черновики её собственных писем. Неровный, детский почерк, кляксы, зачёркнутые строчки.

«Матушка, генерал так и не писал. Офицеры приезжали дважды за мукой и солью, я их не видела, они говорили только с Гримсоном. Я не знаю, сколько солдат. Я не выхожу из комнат. Здесь очень холодно. Пожалуйста, не отправляйте Тима в Остенград. Я стараюсь».

И снова:

«Матушка, я ничего не знаю. Правда. Мне никто ничего не говорит. Здесь все меня ненавидят. Пожалуйста».

Я положила черновики обратно и долго сидела, глядя в окно.

Внизу, во дворе, конюх водил по кругу гнедую лошадь. Двое солдат таскали мешки к амбару. Над стеной кружили вороны. Над всем этим нависало низкое серое небо, тяжёлое, набухшее снегом.

Бедная девочка. Она не шпионила. Она пыталась, наверное, потому что боялась за брата, но у неё ничего не выходило. Она сидела в этой комнате, писала мачехе отчаянные письма про погоду и пила чай, от которого медленно умирала.

А кто-то решил, что раз от неё нет толку, то и её самой больше не нужно.

* * *

Коробку с чаем я нашла в каморке Норы.

Каморка была за дверью в углу моей спальни: крошечная комнатка с узкой кроватью, сундуком и жаровней на треноге. Нора там не спала, видимо, ночевала где-то внизу, с прислугой. Или где-то ещё. На полке стояли склянки, мешочки, баночки. И жестяная коробка, расписанная золотыми листьями, с бумажной наклейкой:

«Сбор укрепляющий. Королевская гильдия целителей. Магистр Х. Сайл».

Я открыла коробку. Внутри были сухие травы: что-то похожее на ромашку, на мяту, на мелко порубленные корешки. Пахло приятно, горьковато. Я высыпала немного на ладонь, поднесла к окну и присмотрелась.

На дне коробки, под травами, лежал тонкий слой серой пыли. Мелкой, как пудра. Она не пахла ничем. Совсем ничем.

Я вспомнила вкус металла во рту. Белые полоски на ногтях.

Магистр Х. Сайл. Королевская гильдия. Память Арианны отозвалась неохотно, мутно: высокий мужчина в тёмно-зелёной мантии, холёные руки с перстнями, запах дорогих благово-

ний. Он осматривал невесту перед свадьбой, так положено. Сказал, что она слишком бледна, и вручил Норе эту коробку. «Каждый вечер, по ложечке. Для крепости духа и тела».

Для крепости, значит.

Я пересыпала часть сбора вместе с серой пылью в чистый платок, завязала его узелком и спрятала в своё платье, в потайной карман. Коробку поставила на место, ровно так, как она стояла. Вышла из каморки и закрыла дверь.

Мне нужно было подумать. Мне нужно было понять, кому здесь можно верить. Тильде? Наверное. Лиси? Да. Гримсону? Вряд ли, он меня ненавидит. Генералу? Генерал вообще меня не знает и знать не хочет.

А ещё мне нужно было выжить.

* * *

Когда я вернулась в спальню, на моём подоконнике сидел кот.

Огромный. Серый, полосатый, с белой манишкой, с порванным ухом и мордой старого разбойника. Он сидел на каменном подоконнике, как на троне, обвив лапы пушистым хвостом, и смотрел на меня жёлтыми глазами с таким презрением, что я невольно остановилась.

— Здравствуй, — сказала я.

Кот моргнул.

— Ты откуда?

Кот отвернулся и посмотрел в окно.

Дверь скрипнула, вошла Лиси с охапкой дров. Увидела кота и ахнула.

— Барон! Ты как сюда залез? Миледи, простите, это генеральский кот, он у нас по всей крепости шастает, он никого не любит, его и гладить-то никто не смеет, он только генерала и признаёт, и то не всегда...

Барон тем временем прыгнул с подоконника. Тяжело, мягко, как падает мешок с мукой. Прошёл через всю комнату, задрав хвост, подошёл ко мне и ткнулся крупной лобастой головой в мои колени. Потом ещё раз. Потом сел у моих ног и включил мотор. Мурлыканье у него было такое, что, кажется, дрожали стёкла.

Лиси замолчала на полуслове. Дрова выпали у неё из рук и раскатились по полу.

— Светлые силы, — прошептала она.

Я наклонилась и почесала кота за порванным ухом. Он зажмурился и привалился ко мне всей своей тушей.

У меня защипало в глазах. Глупость, конечно. Просто кот. Чужой кот в чужом мире. Но он так похож был на моего рыжего Бублика, который где-то там, в другой жизни, спит сейчас на моей подушке и ждёт, что я приду с дежурства.

Я не приду. Я теперь знала это точно.

— Барон, — сказала я коту, — не обижайся, но это имя тебе совершенно не идёт. Ты Бублик.

Кот приоткрыл один глаз. Посмотрел на меня. Подумал. И замурлыкал громче.

— Он согласен, — сказала я Лиси.

Лиси смотрела на меня с открытым ртом.

* * *

Вечером пошёл снег.

Первый в этом году, мелкий, колючий, косой. Он сёк по окнам и таял на подоконнике. Я сидела в кресле у камина, укутавшись в шаль, с Бубликом на коленях. Кот весил, наверное, килограммов десять и грел лучше любой грелки. Лиси принесла ужин от Тильды: гречневую кашу с мясом и кружку молока. Я съела всё.

Нора так и не пришла. Лиси сказала, что та с обеда ушла в Стылый Брод, в лавку за нитками. Я подумала, что для похода за нитками пять часов — это многовато. Но ничего не сказала.

Я как раз собиралась открыть дневник Арианны, когда снаружи протрубил рог.

Долгий, низкий, тревожный звук. Он прокатился над крепостью, отразился от скал и ушёл куда-то в долину, к реке. Бублик на моих коленях вскинул голову и прижал уши. Потом протрубил второй рог, ближе, у самых ворот. Залаяли собаки. Внизу, во дворе, захлопали двери, забегали люди. Кто-то кричал, кто-то звал Гримсона.

Я подошла к окну. Во дворе в свете факелов метались тени. Ворота открывались, медленно, со скрипом. В них въезжали всадники, много всадников, в тёмных плащах, присыпанных снегом. Лошади храпели и выдыхали пар.

Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену. На пороге стояла Лиси, без передника, с красными щеками и огромными глазами.

— Миледи! — выдохнула она. — Генерал! Генерал вернулся!

— Уже? — Я обернулась. — Гримсон говорил, к первому снегу...

Я посмотрела на снег за окном и осеклась.

— Его везут, миледи, — сказала Лиси, и голос у неё дрогнул. — Генерала везут. На носилках.

Глава 3. Генерал на носилках

Я сбежала по лестнице так быстро, как позволяли слабые ноги и длинная юбка. Лиси бежала следом, на ходу пытаюсь накинуть мне на плечи шаль. Бублик, к моему удивлению, тоже бежал, перепрыгивая через ступени тяжёлыми мягкими прыжками.

Во дворе было светло от факелов и шумно, как в приёмном отделении в новогоднюю ночь. Снег валил всё гуще, крупными мокрыми хлопьями, и в оранжевом свете казалось, что с неба сыплются искры. Всадники спешили, лошади фыркали и переступали, конюхи бегали между ними. Солдаты в тяжёлых плащах, с обветренными лицами, с оружием, кто-то с перевязанной головой, кто-то с рукой на перевязи. Пахло конским потом, мокрой шерстью, дымом и железом.

И в центре всего этого, на широких носилках из жердей и натянутой кожи, лежал он.

Четверо солдат держали носилки на плечах. Они остановились посреди двора, ожидая, пока откроют двери главного дома. Человек на носилках был укрыт тёмным плащом до подбородка. Даже лёжа он казался огромным: плащ едва прикрывал широкие плечи, из-под него торчали сапоги.

Я подошла ближе. Никто меня не останавливал. Кажется, меня вообще никто не замечал: слишком много было суеты, криков, топота.

Генерал Рейнар Хальвард лежал с закрытыми глазами. Я узнала его сразу, по тому мутному воспоминанию из храма. Жёсткое лицо с высокими скулами, тёмные волосы, мокрые от снега и пота, прилипшие ко лбу. Белый шрам через бровь. Щетина, недельная, не меньше. Губы сухие, потрескавшиеся.

И цвет лица. Серо-жёлтый, восковой, с лихорадочными красными пятнами на скулах.

Я смотрела на него, и во мне сам собой включился внутренний счётчик. Тот, который включается в приёмном, когда открываются двери и закатывают каталку. Дыхание частое, поверхностное, раз тридцать в минуту. Губы сухие, значит, обезвожен. Пот на лбу при том, что на улице мороз. Вена на шее бьётся часто, вижу отсюда. Пальцы правой руки, лежащей поверх плаща, подрагивают. Озноб.

А потом порыв ветра откинул край плаща, и до меня долетел запах.

Сладковатый, тяжёлый, тошный. Запах, который ни с чем не спутаешь, если хоть раз вскрывал гнойник.

Мне стало холодно, хотя Лиси наконец набросила на меня шаль.

— Кто здесь главный? — спросила я громко. — Кто командует?

Несколько человек обернулись. Высокий молодой мужчина в забрызганном грязью плаще, с огненно-рыжими волосами и рыжей же бородкой, отдал поводья конюху и подошёл ко мне. Окинул меня взглядом, быстрым и цепким. Поклонился.

— Миледи. Капитан Эйвин Ларс, адъютант лорда-генерала. Простите, что так, без предупреждения. Мы гнали коней, сколько могли.

— Что с ним? — спросила я.

Капитан помрачнел.

— Стрела, миледи. На Волчьем перевале, в последнем бою, девять дней назад. Под левую лопатку, вот сюда. — Он показал на себе. — Морвенская стрела, они бьют из-за скал, подло. Магистр Хорвен рану затянул в тот же день, всё было хорошо, генерал даже на коня садился. А три дня назад начался жар. И не проходит. Магистр говорит, это от усталости и холода. Что дома, в тепле, всё пройдёт. Вот мы и спешили.

Девять дней. Рану затянули в тот же день. Три дня назад начался жар.

Я знала эту историю. Я видела её десятки раз. Человек приходит с занозой в ладони, её вынимают, но не до конца. Ранка затягивается, а через неделю рука красная, горячая, разду-

вается, и человек сидит в приёмном с температурой под сорок и спрашивает, почему так, ведь всё же зажило.

Только здесь была не заноза в ладони. Здесь была стрела под лопаткой. В двух пальцах от лёгкого.

— Он принимал... — Я осеклась. Что он мог принимать? Антибиотиков здесь нет. — Чем его лечили?

— Магистр делает очищение крови. Каждый вечер. И даёт укрепляющий отвар.

Укрепляющий отвар. Я почувствовала, как у меня дёрнулась щека.

— Я хочу посмотреть рану, — сказала я.

Капитан Ларс моргнул. За его спиной кто-то из солдат хмыкнул.

— Миледи, — начал капитан осторожно, — я не уверен, что это...

— Леди Арианна!

Голос прозвучал от кареты, которая въехала во двор последней. Чёрная лакированная карета с гербом на дверце, совсем неуместная среди грязных, усталых всадников. Дверца открылась, и из неё вышел мужчина.

Я узнала его тоже. По чужому воспоминанию: высокий, в тёмно-зелёной мантии, подбитой мехом, с аккуратной седеющей бородкой. Холёные руки в перчатках. На пальцах, поверх перчаток, перстни. Он ступил в снежную кашу и брезгливо поморщился, как будто его заставили пройти по помойке.

Магистр Хорвен Сайл. Королевская гильдия целителей.

— Леди Арианна, — повторил он, подходя. Голос у него был мягкий, бархатный, привыкший к придворным залам. — Какая радость видеть вас на ногах. Мне писали, что вы нездоровы.

Мне писали. Кто ему писал? Нора?

— Я здорова, магистр, — сказала я. — В отличие от моего мужа. Я хочу осмотреть его рану.

Хорвен улыбнулся. Снисходительно, как улыбаются ребёнку, который заявил, что будет пилотом.

— Миледи, это зрелище не для дамы. Уверяю вас, рана закрыта и чиста. Лорд-генерал страдает от лихорадки утомления. Тело его изнурено войной и дорогой. Я каждый день очищаю его кровь. Через несколько дней покоя и тепла он поднимется.

— Рана закрыта, а он горит, — сказала я. — Если снаружи закрыто, а внутри жар, значит, под кожей гной.

Тишина. Не полная: где-то ржала лошадь, где-то стучали двери. Но вокруг нас, в кольце солдат, стало тихо.

Хорвен приподнял брови.

— Гной? — переспросил он и тихо рассмеялся. — Где же миледи набралась таких слов? В столичном будуаре? Может быть, вы читали медицинские трактаты между балами?

Солдаты засмеялись. Не все. Но достаточно.

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Чужое лицо, тонкокожее, предательски краснеющее. Хорошо. Пусть смеются. Надо мной смеялись и не такие. Когда я, двадцатишестилетний ординатор, сказала заведующему, что у его любимого пациента не гастрит, а инфаркт, смеялось всё отделение. Пациент выжил, потому что я тогда не отступила.

— Магистр, — сказала я, — от него пахнет. Вы чувствуете? Сладковатый запах. Так пахнет гниение. Если под раной гной, его нужно выпустить, иначе он уйдёт в кровь.

Улыбка Хорвена застыла. На долю секунды. Потом снова стала мягкой.

— Миледи переутомилась, — сказал он, оборачиваясь к капитану. — Её можно понять. Тревога за супруга. Капитан, проводите леди Арианну в её покои.

— Ларс.

Голос был хриплый, низкий и такой тихий, что я не сразу поняла, откуда он. Потом поняла.

Генерал открыл глаза.

Глаза у него были тёмные, почти чёрные. И в глубине их, в самой середине, тлело что-то, похожее на угли в камине. Золотистые искорки. Лихорадочный блеск, подумала я. Или не только лихорадочный.

Он смотрел на меня. Долго. Пристально. С высоты носилок, снизу вверх, и всё равно казалось, что сверху вниз.

— Леди Арианна, — сказал он. Каждое слово давалось ему с трудом, но голос был ровный, командирский. — Что вы делаете во дворе?

— Встречаю мужа, — сказала я.

Что-то дрогнуло в его лице. Удивление? Насмешка? Боль?

— Встретили, — сказал он. — Ступайте в свои покои. Здесь не место для вас.

И отвернулся. Посмотрел мимо меня, на крыльцо, где стоял Гримсон с фонарём в руке.

— Гримсон. Почему она здесь?

Мажордом поклонился.

— Миледи изволила спуститься сама, милорд.

Генерал ничего не ответил. Закрыв глаза.

Вот и всё. Вот так. При всём дворе, при солдатах, при слугах, при этом холёном магистре с перстнями. «Здесь не место для вас». Я стояла посреди двора в старом шерстяном платье его матери, в чужой шали, и снег падал мне на волосы.

Арианна бы заплакала. Наверное. Или убежала. Или опустила бы глаза и ушла, как ей велели.

Я не Арианна.

— Как прикажете, милорд, — сказала я. Громко. Чтобы слышали все. — Но если к утру жар не спадёт, вы умрёте.

На этот раз тишина была полной. Даже лошади, кажется, замолчали. Солдаты, которые держали носилки, переглянулись. Капитан Ларс смотрел на меня так, будто увидел впервые. Хорвен побледнел, потом покраснел.

Генерал не открыл глаз. Только желвак дёрнулся на его скуле.

— Несите, — сказал он глухо.

Носилки качнулись и поплыли к крыльцу. Хорвен поспешил следом, кутаясь в мантию. Проходя мимо меня, он бросил негромко, не поворачивая головы:

— Вы не в себе, миледи. Я пришлю вам успокоительного.

— Не трудитесь, — ответила я. — Ваших отваров я уже напилась.

Он споткнулся. Не сильно, на полшага. Но я заметила.

* * *

Рейнар

Его внесли в дом, и тепло ударило в лицо, как кулак.

Он не любил, когда его несли. Он вообще не любил, когда с ним что-то делали без его приказа. Но последние три дня тело перестало подчиняться. Сначала он ещё держался в седле. Потом перестал держаться. Ларс, верный рыжий упрямец, соорудил носилки и запретил ему вставать, а он даже не нашёл сил наорать на капитана.

Это пугало больше, чем жар.

Боль под лопаткой была как раскалённый уголь, который кто-то вдавил в спину и забыл вынуть. Она пульсировала в такт сердцу, растекалась по рёбрам, по плечу, по руке. Иногда она становилась такой сильной, что темнело в глазах. Иногда утихала, и тогда наваливался холод, и его трясло так, что стучали зубы.

Но хуже боли, хуже жара было другое.

Зверь молчал.

Девять дней. С того самого мига, когда морвенская стрела вошла под лопатку и он рухнул с коня на камни перевала. Девять дней внутри была пустота. Тишина. Там, где всю его жизнь, с семи лет, когда он впервые обернулся, жил второй он, огромный, чёрный, с серебряным гребнем, с огнём в груди, теперь не было ничего. Как будто кто-то задул свечу.

Хорвен сказал, что это от слабости. Что зверь уснул, чтобы дать телу силы. Что так бывает у тяжело раненых драконов. Что вернётся.

Рейнар хотел верить. Но он не знал ни одного дракона, который бы так долго не слышал своего зверя и остался жив.

Его несли по лестнице. Слуги расступались. Гримсон шёл впереди, светил фонарём, что-то говорил. Рейнар не слушал.

Он думал о жене.

Странно было думать о ней. За четыре месяца он вспоминал о ней, может быть, раза три. Бледная столичная девица с испуганными глазами, которую ему навязал король. Нет, не король: король слаб и не придумал бы такого сам. Её навязал Вейлс. Граф Аларик Вейлс, королевский советник, который давно хотел посадить своего человека в Северную марку. А леди Сесилия Лейн, её мачеха, ела у Вейлса с руки. Рейнар понял это на свадьбе. И когда Гримсон написал ему, что миледи каждую неделю отправляет письма в столицу, он лишь кивнул. Конечно. Шпионка. Глаза и уши Вейлса в его доме.

Пусть пишет. Писать ей было не о чем. Гримсон знал своё дело и держал её подальше от всего важного.

Но сегодня, во дворе...

Он нахмурился. Даже мысли давались с трудом, расползались, как мокрая бумага.

Это была она. Те же пепельные волосы, то же узкое лицо. Но не та. Та, что стояла с ним в храме, смотрела в пол и дрожала. Эта стояла посреди двора в старом платье его матери, без шляпки, со снегом в волосах, и смотрела ему в глаза. Прямо. Без страха. С каким-то... он не мог подобрать слова. Профессиональным интересом. Так смотрел на раненых старый полковой лекарь Бьорн, пока его не убили два года назад под Красной Скалой.

И её запах.

На свадьбе от неё пахло розовым маслом, приторным, столичным, от которого у него свербело в носу. Сегодня от неё пахло снегом, дымом, молоком и чем-то ещё. Чем-то незнакомым. Тёплым. Как хлеб, который только что достали из печи.

И когда она подошла к носилкам, когда наклонилась, когда этот запах коснулся его лица...

Внутри что-то шевельнулось.

Впервые за девять дней. Слабо, еле-еле, на самом дне пустоты. Как будто кто-то огромный и спящий приоткрыл один глаз и потянул носом воздух.

Рейнар сжал зубы.

Лихорадка, сказал он себе. Бред. Жар делает с головой странные вещи. Ему уже мерещился брат, Кайл, сидящий у костра. А Кайла нет уже два года.

«Если к утру жар не спадёт, вы умрёте».

Она сказала это громко, при всех. Спокойно. Как сообщают о погоде.

Откуда ей знать? И зачем говорить? Чтобы напугать? Чтобы унижить при солдатах? Или...

Если он умрёт, Вейлс получит то, чего хочет. Северная марка останется без лорда. Вдова генерала, послушная девочка Вейлса, наследует всё. А потом король назначит регента, и регентом, конечно, станет кто-нибудь из людей графа.

Если он умрёт, ей это выгодно.

Его положили на кровать. Чьи-то руки стаскивали сапоги, расстёгивали мундир. Хорвен склонился над ним, его холёное лицо расплывалось в свете свечей.

— Лорд-генерал, выпейте. Это укрепит вас.

Чашка у губ. Горьковатый вкус трав. Он выпил, потому что не было сил спорить. Хорвен положил ладони ему на грудь, и от ладоней пошло тепло. Очищение крови. Каждый вечер одно и то же. Тепло растекалось по телу, жар на время отступал, но под лопаткой, там, где тлел уголь, ничего не менялось.

— Вам нужен покой, — сказал Хорвен. — Только покой. Не слушайте вздор, который говорила миледи. Её нервы расстроены. Утром вам станет лучше.

Рейнар закрыл глаза.

Зверь внутри не шевелился. Пустота снова была пустотой.

Наверное, показалось.

* * *

Я металась по своей спальне, как зверь в клетке.

Бублик сидел на кровати и следил за мной жёлтыми глазами, поворачивая голову туда-сюда. Лиси убежала вниз, узнавать новости. Нора так и не вернулась. В камине трещал огонь. За окном валил снег.

Сепсис, думала я. Ну или вот-вот будет сепсис. Гнойник под лопаткой, возможно, с инородным телом. Если стрелу вынули неаккуратно, если там остался обломок наконечника или кусок древка, если сверху всё это затянули... как они там затягивают? Магией? Значит, внутри замкнутая полость, полная гноя. Она растёт. Она давит. Рано или поздно она прорвётся. Наружу, если повезёт. В грудную клетку, если не повезёт. Или гной просто уйдёт в кровь, и тогда никакое «очищение крови» не поможет. Тогда будет заражение крови, отказ почек, лёгких, давление упадёт, и всё.

Сколько у него времени? День? Два? Судя по дыханию, по цвету лица, по этому запаху — не больше.

Мне нужно было посмотреть рану. Пощупать. Понять.

А мне сказали: ступайте в свои покои.

Дверь скрипнула. Лиси проскользнула внутрь, закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Щёки у неё были мокрые от снега, глаза блестели.

— Миледи, — прошептала она. — Там плохо.

— Рассказывай.

— Тильда носила наверх кипяток. Она говорит, генерал как печка, весь горит. И спина... она краем глаза видела, когда его переворачивали. Говорит, вся красная, а посередине тёмное, как головешка. И распухло. А магистр... — Лиси сглотнула. — Магистр вышел к Гримсону и сказал ему тихо, Тильда слышала: «Велите людям молиться. И приготовьте, что положено».

Приготовьте, что положено. Я знала, что это значит. В любом мире это значит одно и то же.

Он его уже похоронил. Этот холёный магистр с перстнями. Он даже не попытался.

Я остановилась посреди комнаты.

Двенадцать лет я спасала людей, которых мне никто не поручал спасать. Пьяных, которые плевались и матерились. Бабушек, которых родные привозили «умирать в больницу». Наркоманов, бездомных, хамов, которые потом писали на меня жалобы. Я никогда не спрашивала, хочу ли я. Это было как дышать.

А этот человек — мой муж. Пусть по указу короля. Пусть в чужом теле и в чужом мире. Пусть он меня ненавидит и считает шпионкой.

Он умирает в комнате над моей головой. И я знаю, как его спасти.

Может быть.

— Лиси, — сказала я. — Мне нужна твоя помощь. Ты не испугаешься?

Лиси вытерла мокрые щёки рукавом. Посмотрела на меня. Потом на кота. Потом снова на меня.

— Испугаюсь, миледи, — честно сказала она. — Но помогу.

— Хорошо. — Я начала считать на пальцах, и голос мой стал тем самым голосом, которым я командовала в операционной. — Мне нужен кипяток. Много. Чистые простыни, самые чистые, какие есть, — прокипятить. Самая крепкая выпивка, какая есть в крепости. Самый острый нож, какой найдёшь. И свечи. Очень много свечей.

Лиси слушала, приоткрыв рот.

— И ещё, — сказала я. — Мне нужно попасть в покои генерала. Сегодня ночью. Так, чтобы магистр не узнал.

Глава 4. Ночной обход

К полуночи моя спальня стала похожа на подсобку операционного блока, если бы операционный блок обставлял средневековый декоратор.

На столике у окна, на чистом полотенце, лежало всё, что мы с Лиси сумели собрать. Кухонный нож Тильды, самый тонкий, для разделки рыбы, наточенный так, что им можно было бриться. Ножницы для рукоделия, маленькие, с изогнутыми лезвиями. Несессер Арианны, перламутровый, с серебряными щипчиками для бровей, пилочками и крючком для пуговиц. Моток шёлковых ниток, белых, тонких и прочных, из корзинки с вышиванием. Подушечка с иглами. Самые тонкие иглы я уже отложила отдельно.

Рядом, на полу, стояла огромная медная кастрюля, в которой Тильда час назад прокипятила полотняные простыни. Теперь они лежали стопкой, ещё влажные и горячие, завернутые в чистую скатерть. Две бутылки с мутной жидкостью, заткнутые пробками. И корзина со свечами. Лиси притащила, наверное, весь запас крепости.

Тильда стояла у двери, сложив руки на необъятной груди, и смотрела на мой столик так, будто я разложила на нём человеческие кости.

— Миледи, — сказала она наконец. — Я старая женщина. Я много чего видела. Я видела, как моему деду ногу отрезали после медведя. Но я хочу понять. Вы этим собираетесь... что?

— Помочь генералу, — сказала я.

— Щипчиками для бровей?

— И ими тоже.

Тильда покачала головой и выразительно посмотрела на бутылки.

— Это огневица, миледи. С винокурни Кряжа, что в Стылом Броде. Её мужики зимой пьют, чтобы не замёрзнуть. От неё глаза на лоб лезут. Вы его поить ею хотите?

— Нет, — сказала я. — Мыть.

— Мыть, — повторила Тильда. — Генерала. Огневицей.

— Руки. Инструменты. Рану. — Я взяла одну бутылку, вытащила пробку и понюхала. В нос ударило так, что слёзы выступили. Отлично. Градусов шестьдесят, не меньше. Не медицинский спирт, но лучше, чем ничего. — Тильда, в ране живёт гниль. Она не любит огня, не любит кипятка и не любит вот этого. Поэтому всё, что будет касаться раны, мы прокипятим или протрём огневицей. И руки мои тоже.

Тильда долго молчала. Потом вздохнула так, что, кажется, колыхнулось пламя свечей.

— Ну, раз гниль не любит, — сказала она. — Её никто не любит. Я пойду, ещё воды поставлю.

И вышла. Лиси проводила её глазами и шёпотом сказала:

— Миледи, она вам поверила.

— Почему ты так думаешь?

— Она бы иначе к Гримсону пошла. А она пошла воду ставить.

* * *

Мы ждали, пока затихнет крепость.

Лиси бегала вниз и возвращалась с новостями. Магистр Хорвен отужинал в малой столовой, выпил вина и удалился в гостевые покои в западном крыле. Гримсон обошёл посты и ушёл к себе. Капитан Ларс сидит у генерала, сам, никого не пускает, даже Тильду с кипятком пустил только до порога. У двери караулит солдат, молоденький, Йорген, сын конюха.

А Нора вернулась.

— Пришла с час назад, — шептала Лиси, сидя на краю кровати. — Вся мокрая, в снегу. Сказала, в Стылом Броде лавку закрыли, пришлось ждать. И сразу наверх, в свою каморку. А

потом увидела, как я простыни из кухни несу, и спросила, зачем. Я сказала, вы озябли, велели грелку и сухое бельё. Она так посмотрела... и ушла. Не знаю, куда.

Я кивнула. Нора меня беспокоила. Но сейчас было не до неё.

Свеча на камине оплыла до половины. Где-то внизу пробили часы. Один удар. Половина первого.

— Пора, — сказала я.

Мы шли по тёмному коридору: Лиси впереди с фонарём, я следом с корзиной, в которую сложила инструменты, завернутые в горячую простыню. Бутыли с огневицей несла Лиси под мышкой. Бублик увязался за нами, и прогнать его было невозможно. Он шёл рядом, задрав хвост, как почётный эскорт.

Покои генерала были в главной башне, этажом выше. Мы поднялись по узкой служебной лестнице, которой, по словам Лиси, пользовались только горничные. На площадке перед тяжёлой дубовой дверью сидел на табурете солдат. Совсем мальчишка, лет восемнадцати, с пушком на верхней губе. Увидев нас, он вскочил и выставил перед собой копьё. Неуверенно, как будто сам не понимал, что с ним делать.

— Кто идёт?

— Хозяйка крепости, — сказала я. — Жена лорда-генерала. Мне нужно к мужу.

Йорген сглотнул.

— Миледи... простите... капитан не велел никого...

— Капитан не велел пускать посторонних, — сказала я. — Я не посторонняя.

— Но магистр сказал...

— Йорген, — тихо сказала Лиси из-за моей спины, —пусти, а? Ты ж меня знаешь.

Мальчишка покраснел до ушей. Видимо, знал. Он опустил копьё, открыл было рот, но тут дверь распахнулась сама.

На пороге стоял капитан Ларс. Без мундира, в одной рубашке с закатанными рукавами, с растрёпанными рыжими волосами. Глаза красные от бессонницы. Он посмотрел на меня, на корзину, на Лиси с бутылками, на кота. Брови его медленно поползли вверх.

— Миледи, — сказал он устало. — Час ночи. Что это?

— Ночной обход, — сказала я. — Капитан, как он?

Ларс помолчал. Потом отвёл глаза.

— Плохо, — сказал он тихо. — Бредит. Брата зовёт. Кайла. Кайл погиб два года назад.

— Пустите меня. Пять минут. Если я ошибаюсь, вы меня выставите, и я больше никогда не появлюсь у этой двери. Даю слово.

Ларс смотрел на меня долго. Я знала этот взгляд. Так смотрят родственники в коридоре реанимации, когда врач говорит, что есть один шанс, но рискованный. Человек взвешивает. Надежду и страх. Доверие и здравый смысл.

— Миледи, — сказал он наконец, — я не знаю, кто вы. Простите. Я видел вас один раз, на свадьбе. Вы тогда слова не сказали. Вы весь вечер в пол смотрели. А сегодня во дворе... — Он покачал головой. — Если вы ему навредите...

— Не наврежу.

— ...я вас своими руками придушу. Хоть вы и леди.

— Справедливо, — сказала я.

Он отступил в сторону.

* * *

Комната генерала была огромной и почти пустой. Высокий потолок, каменные стены, завешанные старыми картами. Камин, в котором горели целые поленья. Оружие на стенах. Стол с бумагами. Огромная кровать под тёмным балдахином.

И жара. Душная, тяжёлая, как в бане. Окна наглухо закрыты, ставни заперты. Пахло дымом, потом, травами. И тем самым, сладковатым. Здесь он был сильнее, чем во дворе.

Генерал лежал на боку, лицом к стене, укрытый до плеч меховым одеялом. Он дышал быстро и шумно. Рука, свешенная с кровати, мелко подрагивала.

Первым делом я поставила корзину на стол и открыла бутылку с огневицей.

— Лиси, полей мне на руки. Вот так. Ещё. — Я тёрла ладони, между пальцами, запястья, ногти, как перед операцией, долго и тщательно. Огневица щипала кожу. Капитан Ларс смотрел на меня, приоткрыв рот. — Капитан, откройте окно. Хотя бы одно.

— Магистр велел держать в тепле...

— Тепло и духота — это разные вещи. Ему нужно дышать. Откройте.

Ларс помедлил, но открыл. Ставня скрипнула, в комнату ворвался ледяной воздух, пахнущий снегом. Пламя свечей заплесало. Генерал вздрогнул и что-то пробормотал.

Я подошла к кровати. Осторожно отвернула одеяло.

Он был голый по пояс. Широкая спина, вся в старых шрамах: белые полосы, звёзды, следы ожогов. Мышцы, как у грузчика. И кожа, покрытая испариной, горячая даже на расстоянии. Я чувствовала этот жар ладонями, как от печки.

Под левой лопаткой, ближе к позвоночнику, было то, что я искала.

Круглый шрам размером с монету. Розовый, гладкий, блестящий, как воск. Слишком ровный, слишком аккуратный для раны девятидневной давности. Ни одного стежка, ни одной корочки. Как будто кто-то залил дырку в коже расплавленным стеклом и разгладил.

А вокруг этого гладкого пятна кожа была багровой. Тёмно-красной, почти фиолетовой, натянутой, блестящей. Отёк расплзался на ладонь во все стороны. В центре, под восковым шрамом, кожа приподнималась бугром.

Я положила два пальца на край бугра. Тихонько, едва касаясь. Генерал застонал сквозь зубы. Я нажала одним пальцем и почувствовала другим, как под кожей прокатилась волна. Мягкая, упругая, как вода в грелке.

Флюктуация. Жидкость. Гной. Много гноя.

Я сдвинула пальцы глубже, ближе к лопатке. Нажала чуть сильнее. И там, в глубине, под слоем мышц, кончики пальцев упёрлись во что-то твёрдое. Маленькое. Острое. Чужое.

— Вот ты где, — прошептала я.

В ту же секунду чужая рука сомкнулась на моём запястье.

Хватка была такая, что хрустнули кости. Я охнула. Генерал повернул голову. Глаза открыты, тёмные, мутные от жара, но в самой глубине их полыхали золотые искры. Ярko, как раздутые угли.

— Что вы делаете? — Голос хриплый, едва слышный. И очень спокойный. Опасно спокойный.

— Ищу, отчего вы умираете, — сказала я. Рука болела, но я её не выдёргивала. — И нашла.

— Вас послал Вейлс? — спросил он. — Добить?

Я моргнула. Вейлс. Граф В. из писем мачехи.

— Меня никто не посылал.

— Ложь. — Пальцы сжались сильнее. — Если я умру, тебе это выгодно. Вдова. Всё твоё. Вейлс доволен. Мачеха довольна.

Я посмотрела на него. На этого огромного горячего человека, который лежал на смертном одре и всё равно держал меня так, что синяки останутся на неделю. Который даже сейчас, в бреду, думал о заговорах.

— Милорд, — сказала я, — если вы умрёте, мне придётся снова выходить замуж. Нет уж. С меня одного генерала хватит.

Тишина.

За моей спиной Ларс издал странный звук. Что-то среднее между кашлем и фырканием.

Генерал смотрел на меня. Долго. Потом уголок его потрескавшихся губ дёрнулся. Совсем чуть-чуть. Может быть, мне показалось.

Пальцы на моём запястье разжались.

* * *

— Объясните, — сказал капитан Ларс.

Мы стояли у стола, у самого окна, где было чуть прохладнее. Лиси сидела на корточках у камина и подкладывала дрова под огромный чайник. Бублик устроился на подоконнике и следил за происходящим с видом председателя врачебной комиссии.

— Под шрамом гнойник, — сказала я тихо, чтобы не слышал генерал, хотя он, кажется, снова провалился в забытье. — Полость, полная гноя. Размером, думаю, с куриное яйцо. Может, больше. И там, в глубине, у лопатки, что-то твёрдое. Я почти уверена, что это кусок наконечника стрелы.

Ларс нахмурился.

— Не может быть. Магистр сам вынимал стрелу. Сказал, наконечник вышел целым.

— Вы его видели? Наконечник?

Капитан открыл рот. Закрыл. Помолчал.

— Нет, — сказал он медленно. — Не видел. Был бой. Генерала принесли в лазаретную палатку, магистр всех выгнал. Потом вышел и сказал, что всё в порядке. Стрелу забрал с собой, сказал, морвенские наконечники бывают отравлены, и он хочет изучить яд.

— А потом он затянул кожу.

— Да. Своим даром. Он сильный целитель, миледи. Я видел, как он за час затягивал раны, от которых другие неделями лежали.

— Затягивать он умеет, — сказала я. — Он затянул кожу поверх того, что внутри. Понимаете? Как если бы вы занозу не вынули, а заклеили сверху пластырем... — Я осеклась. Пластырь. — Заклеили сверху. Снаружи всё красиво. А внутри гниёт. Гною некуда выйти. Он копится. Давит. И уходит в кровь. Отсюда жар.

Ларс побледнел. Даже веснушки на его лице стали, кажется, бледнее.

— Что нужно сделать?

— Вскрыть, — сказала я. — Разрезать там, где скопился гной. Выпустить его. Найти и вынуть то, что застряло. Промыть. Оставить ране выход, чтобы она заживала изнутри, а не снаружи.

— Резать, — повторил капитан. — Генерала. Сейчас. Вы.

— Я.

— Миледи, при всём уважении... — Он провёл рукой по лицу. — Где вы этому научились? Вы же дочь лорда Лейна. Вас растили в столице. В шелках.

Я ожидала этого вопроса. Весь вечер, пока Лиси бегала за простынями, я думала, что отвечу. Сказать правду? Капитан, видите ли, я умерла вчера в другом мире, а там я хирург с двенадцатилетним стажем? Меня бы заперли в башне. И правильно бы сделали.

— Моя мать умерла, когда я была маленькой, — сказала я. Это была правда. Про обеих матерей. — От болезни живота. Её не успели спасти. После этого я... читала. Всё, что могла найти. Старые лекарские книги, трактаты. В имении матери была знахарка, старуха. Она многое знала. Она учила меня тайком. Мачеха не знала. Никто не знал.

Ложь была гладкой и почти правдивой. Хорошая ложь всегда почти правдивая.

Ларс смотрел на меня с сомнением. Я не отводила глаз.

— Вы когда-нибудь резали живого человека? — спросил он.

— Да, — сказала я. Это тоже была правда. Тысячи раз.

— Резать?

Хриплый голос с кровати. Мы оба обернулись. Генерал снова смотрел на нас. Он приподнялся на локте, и лицо его в свете свечей было серым, как пепел.

— Вы? Столичная леди? Будете резать дракона?

— Буду, — сказала я. — Если позволите.

— А если нет?

— Тогда к утру вы умрёте. Или к следующему вечеру. Я не знаю точно. Но скоро.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. В комнате было слышно, как трещат поленья и как тихо гудит чайник.

— Хорвен сказал, утром станет лучше, — произнёс он наконец.

— Хорвен велел Гримсону готовить похороны, — сказала я.

Ларс резко повернулся ко мне.

— Что?

— Тильда слышала. «Велите людям молиться и приготовьте, что положено». Это его слова. Час назад.

Генерал медленно опустился обратно на подушку. Закрыв глаза. Лицо его ничего не выражало, но я видела, как побелели костяшки пальцев, сжавших край одеяла.

И тут дверь распахнулась.

* * *

Магистр Хорвен ворвался в комнату, как буря. В тёмно-зелёном халате поверх ночной рубашки, без перстней, растрёпанный. За ним, в проёме, маячила бледная Нора.

Значит, вот куда она ходила, подумала я. К нему.

— Что здесь происходит? — Голос магистра больше не был бархатным. Он звенел. — Капитан Ларс! Вы впустили к раненому... это? Ночью? С ножами?

Его взгляд упал на мой столик. На щипчики, иглы, нитки. На нож Тильды.

— Святое Пламя, — выдохнул он. — Вы с ума сошли. Вы все сошли с ума. Это убийство! Эта девица собирается резать лорда-генерала кухонным ножом? Он потеряет кровь и умрёт у вас на руках! Я запрещаю! Как целитель королевской гильдии я запрещаю!

— Вы уже сказали готовить похороны, магистр, — сказала я. — Значит, вы сдались. А я нет.

Он повернулся ко мне. Лицо его пошло красными пятнами.

— Вы... Вы не понимаете, что творите. Если он умрёт под вашим ножом, вас повесят. Вас повесят за убийство лорда Северной марки, и никакой король вас не спасёт.

— А если он умрёт от вашего лечения, — сказала я ровно, — никого не повесят. Удобно, правда?

Хорвен замер с открытым ртом.

— Ларс.

Генерал снова открыл глаза. Он не приподнялся на этот раз, только повернул голову на подушке. Его голос был слабым, но каждое слово падало в тишину, как камень в колодец.

— Пусть режет.

— Милорд! — Хорвен шагнул к кровати. — Вы в бреду! Вы не понимаете...

— Я в бреду девять дней, Хорвен, — сказал генерал. — Девять дней ты говоришь мне про покой. Мне хуже с каждым днём. Твой покой не работает.

— Милорд, это безумие, она погубит вас...

— Выйди.

Одно слово. Негромкое. Но в нём было что-то такое, от чего Хорвен отшатнулся, как от огня. Нора за его спиной вжалась в стену.

Магистр выпрямился. Запахнул халат. Лицо его стало каменным.

— Как будет угодно лорду-генералу, — сказал он ледяным голосом. — Я снимаю с себя всякую ответственность. Всякую. Капитан, вы свидетель. Я напишу в гильдию. Я напишу королю. — Он посмотрел на меня, и от этого взгляда по спине у меня пробежал холод. — А вы, миледи... Молитесь, чтобы он выжил.

Он вышел. Нора выскользнула следом, не поднимая глаз. Дверь хлопнула так, что вздрогнули свечи.

Я выдохнула. Только сейчас поняла, что не дышала.

— Капитан, — сказала я, и голос мой почти не дрожал, — мне нужна бритва. Самая острая, какая есть в крепости.

Ларс посмотрел на генерала. Генерал едва заметно кивнул в сторону сундука у стены.

— Там, — прохрипел он. — Мой бритвенный прибор. Сталь из Остенграда. Острее не найдёте.

Ларс открыл сундук, достал кожаный футляр и протянул мне. Внутри, на бархате, лежала опасная бритва. Лезвие тонкое, синеватое, с волнистым узором на стали. Рукоять из чёрного рога.

Я провела по лезвию ногтем. Оно скользнуло, как по шёлку.

Да. Это подойдёт.

— Лиси, — сказала я, — кипяти. Всё, что лежит на полотенце, и бритву тоже. Двадцать минут, не меньше, считай до тысячи два раза. Капитан, мне нужны ещё двое крепких людей, чтобы держать его. И уберите оружие из комнаты. Когда он дёрнется, я не хочу, чтобы кто-то схватился за меч.

— Я не дёрнусь, — сказал генерал с кровати.

Я посмотрела на него. На это упрямое серое лицо, на сжатые зубы, на золотые искры в глазах.

— Все так говорят, милорд, — сказала я. — Все.

Глава 5. Операция при свечах

Капитан Ларс привёл двоих.

Первый был сержант Харальд: седой, кряжистый, с бородой до середины груди и руками, которыми, наверное, можно было гнуть подковы. Второй, Олаф, был моложе, светловолосый, с перебитым носом и спокойными серыми глазами. Оба вошли, увидели генерала на кровати, меня у стола с засученными рукавами и бутыль огневицы. Переглянулись. Ничего не сказали.

Хорошие солдаты, подумала я. Не задают лишних вопросов.

— Это миледи, — сказал Ларс. — Она будет лечить генерала. Ножом. Ваше дело держать его так, чтобы не дёрнулся. Что бы ни случилось. Что бы вы ни увидели. Ясно?

— Так точно, капитан, — прогудел Харальд. Потом посмотрел на меня из-под кустистых бровей и добавил: — Миледи, вы уж простите. Он не дёрнется. Он под Красной Скалой сам себе стрелу из бедра выдернул и дальше пошёл. Только если он, ну... — Сержант замялся. — Если зверь проснётся. Тогда нам вчетвером не удержать.

Зверь. Я вспомнила золотые искры в глазах генерала.

— А если проснётся, что будет?

— Обернётся, — просто сказал Харальд. — Прямо тут. И от башни ничего не останется.

— Не проснётся, — тихо сказал Ларс. — Зверь молчит девять дней. Магистр говорит, спит.

Я ничего не ответила. Подумала, что разберусь с драконами потом. Как и со всем остальным.

* * *

Тильда пришла сама, без зова. Принесла ещё два ведра кипятка, огромный глиняный кувшин с остывшей кипячёной водой и маленький пузырёк тёмного стекла.

— Дрёмник, — сказала она, ставя пузырёк передо мной. — Настойка. Я её сама делаю, от бессонницы, для Гримсона. Он по ночам не спит, всё ходит. Ложка — и старик дрыхнет до обеда. Две ложки — быка свалит. Больше не давайте, сердце остановится.

— Спасибо, Тильда, — сказала я и посмотрела на неё внимательно. — Вы останетесь?

— А то как же. — Она закатала рукава. Руки у неё были как у кузнеца. — Я, миледи, тридцать лет свиней колю и кур щиплю. Крови не боюсь. Говорите, что делать.

— Мыть руки, — сказала я. — Огневицей. Вот так. До локтей.

Тильда посмотрела на бутыль, вздохнула и подставила ладони.

Мы приготовили всё, как могли. Лиси вынула из кипятка инструменты щипцами для углей и разложила на чистой простыне, ещё горячей. Нож, ножницы, щипчики, иглы, нитки, бритву. Я согнула самую тонкую иглу над пламенем свечи, плоскогубцами Харальда, в полукольцо. Лиси смотрела на это так, будто я показывала фокус.

— Зачем гнёте?

— Кривой иглой шить удобнее. Не надо лезть глубоко пальцами.

Я велела снять со стены большое зеркало в бронзовой раме и поставить его у изголовья кровати, а свечи расставить полукругом перед ним. Света сразу стало вдвое больше. Он ложился на спину генерала тёплым жёлтым пятном.

— Как в храме, — прошептал Олаф.

— Как в операционной, — пробормотала я себе под нос. Никто не понял. И хорошо.

Генерала переложили на правый бок, лицом к Ларсу, левую руку вытянули вперёд и вверх, чтобы лопатка отошла от рёбер. Харальд держал ему ноги, Олаф — левую руку, Ларс — плечи и голову. Тильда стояла рядом со мной с кувшином. Лиси — с другой стороны, с подносом инструментов и свечой.

Я отмерила ложку дрёмника, развела в воде и поднесла к губам генерала.

— Пейте, милорд. Это вас немного оглушит.

Он выпил. Поморщился.

— Огневицы бы лучше, — пробормотал он.

— Огневица для раны, — сказала я. — Не для вас.

— Жаль.

Ларс фыркнул. Харальд хмыкнул в бороду. Напряжение в комнате чуть отпустило. Совсем чуть-чуть.

Я подождала, пока подействует. Дыхание генерала стало медленнее, глаза затуманились, рука, которую держал Олаф, обмякла. Но он не спал. Дрёмник не наркоз, а всего лишь снотворное. Он будет всё чувствовать. Просто немного тупее.

Прости, подумала я. Прости, что больше ничего нет.

Я полила огневицей себе на руки ещё раз. Потом смочила чистую тряпицу и протёрла кожу вокруг багрового бугра. Широко, от позвоночника до подмышки. Генерал зашипел сквозь зубы, когда спирт коснулся воспалённой кожи.

— Терпите, — сказала я. — Это только начало.

Потом взяла бритву.

Рукоять из чёрного рога легла в ладонь удобно, как родная. Лезвие блеснуло в свете свечей. Я смотрела на багровый бугор под лопаткой и привычно рисовала в голове: где мышцы, куда идут волокна, где проходят крупные сосуды, где начинается лёгкое. Анатомия у драконов, надеюсь, человеческая. По крайней мере, в человеческом облике.

Я наклонилась к ране.

— Ну, здравствуй, гнойник, — сказала я ей тихо. — Давай знакомиться.

За моей спиной Тильда шёпотом помянула светлые силы.

* * *

Разрез я сделала по нижнему краю бугра, туда, где кожа была тоньше всего и натянута сильнее всего. Не через восковой шрам, а под ним, по ходу мышечных волокон. Неглубоко сначала. Кожа разошлась легко, как перезрелая слива.

А потом брызнуло.

Гной ударил наружу тугой струёй, жёлто-зелёный, густой, с прожилками крови. Запах накрыл комнату, тяжёлый, тошнотворный. Олаф отвернулся и сглотнул. Лиси побелела, но поднос не уронила. Тильда сказала сквозь зубы: «Ох ты ж...» и подставила таз.

Генерал выгнулся. Харальд навалился на его ноги, Ларс прижал плечи. Из горла генерала вырвался хриплый рык, и он замер, тяжело дыша.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо. Это гной выходит. Это правильно. Сейчас станет легче.

И правда: бугор на глазах опадал. Гной всё тёк и тёк, Тильда меняла тряпицы, я осторожно надавливала по краям, выпуская всё, что скопилось. Это было много. Больше, чем я думала. Полость оказалась большой, она уходила глубоко под лопатку, к рёбрам.

Девять дней, подумала я. Девять дней это всё варилось внутри него под гладкой восковой крышкой.

Когда гной перестал идти струёй, я взяла кувшин с остывшей кипячёной водой, в которую Тильда по моей просьбе насыпала соли. Немного, ровно столько, чтобы вода была солоноватой, как слёзы.

— Тильда, лейте. Медленно. Прямо в рану.

Она лила. Я промывала. Мутная вода стекала в таз. Ещё раз. Ещё. Пока не пошла почти чистая, розоватая.

Теперь надо было найти то, что застряло.

Я вымыла руку огневицей снова. Генерал тихо зарычал, когда я ввела палец в рану. Я шла медленно, ощущая стенки полости, как в темноте ищут выключатель на незнакомой

стене. Мягко. Мягко. Вот рёбра под пальцем, гладкие, твёрдые. Вот край лопатки. Вот мышца, рыхлая, пропитанная гноем. А вот...

Твёрдое. Маленькое. Острое. Вошедшее под углом, глубоко, в мышцу у самого края лопатки. Я обвела его кончиком пальца. Треугольное. Острый край смотрит вверх, к позвоночнику. Обломанный хвостик — наружу.

Я вынула палец и взяла щипчики Арианны.

— Капитан, — сказала я, не отрывая глаз от раны, — держите крепче. Сейчас будет больно.

— Держу.

Щипчики вошли в рану. Я нащупала хвостик. Сжала. Потянула.

Щипчики соскользнули.

Генерал дёрнулся всем телом. Харальд крикнул, удерживая ноги. Ларс выругался сквозь зубы.

— Ещё раз, — сказала я.

Снова. Нащупала. Сжала. Потянула. Осколок шевельнулся, но не вышел. Он сидел в мышце крепко, как гвоздь в доске, обросший за девять дней рубцом.

Нужно было расширить. Я взяла бритву и сделала ещё один короткий надрез в глубине, вдоль осколка, чтобы освободить ему дорогу. Пошла кровь, яркая, алая. Тильда без команды прижала тряпицу. Умница. Я подождала, пока кровь утихнет.

— Лиси, свечу ближе. Вот сюда.

Свет упал прямо в рану. Я увидела его. Тёмный, блестящий край в глубине розовой мышцы. Не металл. Что-то чёрное, гладкое, похожее на стекло.

Щипчики. Сжать. Покачать из стороны в сторону, совсем чуть-чуть, освобождая. Генерал дышал со свистом сквозь стиснутые зубы. Ещё чуть-чуть. Ещё.

И потянуть.

Осколок вышел.

* * *

Я не сразу поняла, что произошло.

Сначала погасли свечи. Не все. Половина. Будто кто-то сильно дунул. Потом те, что остались, вспыхнули втрое ярче, вытянулись длинными языками до самого потолка. В комнате стало жарко, как в кузнице. Зеркало у изголовья пошло трещиной, с тонким звоном, наискось, от угла до угла. Ставни на открытом окне грохнули о стену.

А генерал закричал.

Нет, не закричал. Это был не человеческий крик. Это был рёв, низкий, утробный, идущий откуда-то из самой глубины его груди. От него завибрировал пол под ногами, задрожали стёкла, с полки упала и разбилась глиняная кружка. Бублик на подоконнике распушился вдвое и зашипел.

Спина генерала под моими руками изменилась.

Вдоль позвоночника, от затылка вниз, кожа потемнела, будто по ней провели углём. Пошла рябь. Вспыхнула чешуёй. Чёрной, блестящей, с серебряной каймой по краю каждой чешуйки. Я видела, как она прорастает, как расплзается к лопаткам, к плечам. Под моими ладонями кожа стала обжигающе горячей и твёрдой, как броня.

— Держите! — заорал Ларс. — Держите его, демоны вас побери!

Харальд навалился всем весом. Олаф держал руку, побелев как полотно. Генерал рвался из их рук, его спина выгибалась, пальцы вцепились в простыню и рвали её, как бумагу. Он повернул голову, и я увидела его глаза.

Они были золотыми. Целиком. Без белка, без зрачка. Два куса расплавленного золота, в глубине которых бился огонь.

Я не знаю, почему я сделала то, что сделала. Наверное, потому, что так делала всегда. С пьяными, которые вырывались из рук санитаров. С наркоманами в ломке. С детьми, которые боялись уколов. Есть такой голос, ровный, тихий, монотонный. Голос, которым разговаривают с испуганными животными и испуганными людьми. Он работает. Почти всегда.

Я не отпустила рану. Прижала к ней тряпицу левой рукой, а правую положила ему на затылок. Туда, где под чёрной чешуёй билась горячая жилка. И заговорила.

— Тише. Тише, Рейнар. Всё. Слышишь меня? Всё. Я его достала. Его больше нет. Ты свободен. Дыши. Просто дыши. Вдох. Вот так. Выдох. Я здесь. Я никуда не уйду. Всё кончилось. Тише.

Я не знала, зачем назвала его по имени. Оно само вырвалось.

Рёв оборвался.

Он замер. Весь, разом, как будто кто-то выдернул вилку из розетки. Золотые глаза смотрели на меня. Не мимо, не сквозь, а прямо на меня. Огонь в них медленно гас, сворачивался, уходил вглубь.

— Вот так, — сказала я. — Вот так, хороший. Дыши.

Он вздохнул. Длинно, глубоко, со всхлипом, как ребёнок после долгого плача.

Чешуя на спине побледнела и начала таять. Медленно, снизу вверх, чешуйка за чешуйкой, уходя обратно под кожу. Жар под моими ладонями спадал. Свечи опустились до обычной высоты.

Глаза генерала снова стали тёмными, человеческими. В них плавало изумление, тяжёлое, сонное. Потом веки опустились.

Он уснул.

* * *

Несколько секунд никто не двигался.

Потом сержант Харальд медленно, очень медленно отпустил ноги генерала и выпрямился. Вытер лоб рукавом. Посмотрел на меня.

— Миледи, — сказал он хрипло. — Тридцать лет служу. Ни разу не видел, чтобы зверя голосом унимали.

— Я тоже, — сказал Ларс. Он сидел у изголовья, бледный, с мокрыми от пота волосами, и не сводил с меня глаз. — Я тоже, Харальд.

Олаф молчал. Только смотрел на меня так, как, наверное, смотрят на святых на иконах.

Я ничего не ответила. Руки у меня дрожали. Колени дрожали тоже. Но рана была открыта, и работа не кончилась.

— Лиси, — сказала я. Голос был сиплый. — Ещё огневицы на руки. Тильда, промываем. Последний раз.

Мы промыли. Кровь из глубины шла слабо, ровно, без толчков. Значит, крупные сосуды целы. Хорошо. Я осмотрела полость при свете, как могла. Чисто. Ни обломков, ни щепок. Только розовая, отёчная мышца.

Потом я взяла длинную полоску прокипячённого льна, свернула её жгутиком и уложила в рану так, чтобы один конец лежал на дне полости, а второй торчал наружу.

— Это зачем? — шёпотом спросила Лиси.

— Чтобы рана не закрылась сверху, — объяснила я. — Чтобы всё, что ещё накопится, выходило наружу по этому жгутику. Как по фитилю. Она должна заживать снизу, от дна. Медленно. А не как у магистра, за час.

Я наложила два шва по краям разреза, редких, свободных, чтобы только стянуть кожу и не закрыть рану совсем. Кривая игла Арианны, белый вышивальный шёлк. Получилось неказисто. В моём мире меня бы засмеяли. Здесь сойдёт.

Сверху — сложенная в несколько слоёв прокипячённая ткань. Потом длинный бинт, разорванная на полосы простыня. Вокруг груди, через плечо, туго, но не слишком.

Когда я закончила, свечи прогорели наполовину. Где-то внизу часы пробили три.

Я выпрямилась. Спина ныла так, будто я простояла на ногах сутки. Хотя, в общем, так оно и было. Двое суток. Одни в одном мире, другие в другом.

На простыне у изголовья лежал осколок. Я подцепила его щипчиками, положила на чистое полотенце и поднесла к свету.

Чёрный. Блестящий, как обсидиан, но мутный внутри, будто в нём застыл дым. Треугольный, длиной с фалангу моего большого пальца. Острые края, отколотый хвостик. Он был холодный. Удивительно холодный. После раскалённой спины генерала он казался куском льда.

И ещё. Когда я держала его в щипчиках, свеча рядом со мной горела ниже. Тусклее. Как будто ей стало трудно дышать.

— Мёртвое стекло...

Голос был тихий, почти шёпот. Я обернулась.

В дверях стоял магистр Хорвен. Я не слышала, как он открыл дверь. Может быть, он и не уходил далеко. Может быть, стоял всё это время в коридоре и слушал. Рёв, грохот, мой голос.

Он смотрел на осколок в моих щипчиках. Лицо его было белым, как свечной воск. Совсем белым. Даже губы.

— Что это, магистр? — спросила я.

Хорвен вздрогнул, будто проснулся. Перевёл взгляд на меня. Потом на генерала, мирно спящего на боку. Потом на Ларса, на солдат, на Тильду с тазом.

На его лицо медленно вернулась маска.

— Морвенская дрянь, — сказал он ровно. — Камень, который глушит дар. Они делают из него наконечники для стрел, чтобы раненых нельзя было исцелить. Если я его не почувствовал... что ж. Неудивительно. Мёртвое стекло потому так и называют, что для дара оно мертво. Его не видно.

Он помолчал. Потом добавил, почти любезно:

— Поздравляю, миледи. Вам повезло. Посмотрим, что будет к утру.

Поклонился. И ушёл. На этот раз тихо, без хлопанья дверью.

Я смотрела ему вслед.

— Капитан, — сказала я, не оборачиваясь, — вы знали, что морвены делают наконечники из этого стекла?

— Знал, — медленно сказал Ларс. — Все знают. Поэтому магистр всегда проверяет раны от морвенских стрел. Ощупывает. Руками. Как вы.

— Руками, — повторила я.

— Руками, — сказал Ларс. И больше ничего не сказал. Но я видела его лицо. Видела, как сузились его глаза. Как сжались губы.

Он тоже думал.

* * *

Солдаты ушли. Тильда унесла тазы и окровавленные тряпки, ворча, что всё это надо сжечь, раз миледи говорит, что гниль не любит огня. Лиси уснула прямо в кресле у камина, свернувшись клубком, как котёнок. Ларс сидел на стуле у двери, привалившись спиной к стене, и делал вид, что не спит.

Я сидела у кровати.

Генерал спал глубоко, ровно. Дышал медленнее, чем вечером, и не так шумно. Я считала пульс по песочным часам, которые нашла на его столе. Сто десять. Потом сто. Под утро — девяносто шесть. Лоб под моей ладонью всё ещё был горячим, но уже не обжигал. Испарина стала другой, обильной, тёплой. Жар уходил. Медленно, неохотно, но уходил.

Бублик забрался на кровать и улёгся у генерала в ногах, тяжёлый, серый, тёплый. Я не стала его прогонять. Кот, по-моему, имел право. Он тоже всю ночь дежурил.

Я смотрела на спящего мужчину и думала.

Девять дней назад в него выстрелили стрелой с наконечником из мёртвого стекла. Магистр-целитель, который, по словам Ларса, всегда ощупывает раны от морвенских стрел, в этот раз не ощупал. Вынул стрелу сам. Наконечник никому не показал. Затянул кожу. Велел лежать в тепле. Давал укрепляющий отвар. И когда стало ясно, что генерал умирает, велел готовить похороны.

А мне, Арианне, он прислал коробку с укрепляющим сбором. С серой пылью на дне.

Совпадение. Конечно. Мало ли совпадений на свете.

Генерал пошевелился во сне. Повернул голову на подушке, в мою сторону. Его лицо в рассветном полумраке было уже не серым, а просто очень бледным и очень усталым. Морщинка между бровей разгладилась. Губы приоткрылись.

Он что-то пробормотал. Одно слово, на незнакомом мне языке. Гортанное, рокочущее, похожее на тихий рык.

И снова затих.

За окном, над заснеженными скалами, медленно светлело небо. Снегопад кончился. Где-то внизу пропел петух.

Я положила голову на край кровати. Только на минутку. Только закрыть глаза.

И провалилась в сон.

Глава 6. Утро после

Рейнар

Он проснулся от холода.

Не того холода, что трясёт изнутри, когда жар отступает перед новой волной. А обычного, честного утреннего холода, который тянет из открытого окна и пахнет снегом. Он лежал на боку, укрытый меховым одеялом до плеч, и чувствовал, как этот холод касается лица. Это было приятно. Впервые за много дней что-то было просто приятно.

Потом он понял, что под лопаткой больше не горит.

Болит. Тупо, тяжело, как болит любая рана, которую растревожили. Ноет под повязкой, тянет, когда он пробует вдохнуть глубже. Но угля там нет. Того раскалённого угля, который девять дней жёг его изнутри, больше нет.

А потом он понял ещё одно.

Зверь был здесь.

Не так, как раньше, когда он метался, рвался наружу, требовал крыльев и неба. И не так, как в последние дни, когда внутри была пустота. Зверь лежал где-то глубоко, свернувшись кольцом, сытый, тёплый, тяжёлый. Как огромный пёс у очага. Он не спал. Он слушал. Он дышал вместе с Рейнаром, медленно и ровно, и от этого дыхания по телу растекалось тепло.

Рейнар закрыл глаза и долго лежал так, просто чувствуя его. Горло перехватило. Он не плакал с тех пор, как ему сообщили о Кайле. Не заплакал и сейчас. Но было близко.

Вернулся. Ты вернулся.

Зверь шевельнулся в ответ. Лениво. Тепло. А потом потянулся куда-то в сторону, наружу, как тянется кот к солнечному пятну на полу.

Рейнар открыл глаза и посмотрел туда, куда тянулся зверь.

Она спала.

Сидела на низком табурете у кровати, а голову положила на край его постели, на сложенные руки. Пепельная коса растрепалась, пряди упали на лицо. Рукава старого синего платья его матери были закатаны до локтей, и на тонком белом запястье темнели синяки. Четыре пятна, отпечатки пальцев. Его пальцев. Он вспомнил, как сжимал её руку ночью, и что-то неприятно кольнуло под рёбрами.

Её ладонь лежала на одеяле совсем близко к его руке. Почти касаясь.

В ногах у него, на одеяле, развалился Барон. Старый разбойник спал кверху пузом, раскинув лапы, и тихо похрапывал. Барон никогда не спал на его кровати. Барон вообще не спал на кроватях. Барон считал ниже своего достоинства подходить к людям ближе чем на три шага.

У двери, на стуле, сидел Ларс. Голова запрокинута, рот открыт, в руке — так и не допитая кружка.

Рейнар смотрел на всё это и пытался собрать мысли. Они собирались плохо, по кусочку.

Свечи. Её голос. Боль, такая сильная, что потемнело в глазах. Что-то вышло из спины. Что-то чужое, холодное. И сразу же внутри как будто прорвало плотину. Зверь вырвался из пустоты, как пламя из заслонки, и ему было больно, и страшно, и он хотел только одного: обернуться, расправить крылья, взлететь, разнести эту тесную каменную клетку. Рейнар не мог его удержать. Не было сил. Он чувствовал, как рвётся кожа, как прорастает чешуя.

А потом голос.

«Тише. Тише, Рейнар. Я его достала. Его больше нет. Дыши».

И зверь послушался.

Его зверь, которого не мог удержать никто. Ни отец, ни мать, ни старый наставник из Совета Крыльев. Зверь, который в семь лет чуть не сжёг конюшню, а в двадцать три разметал отряд морвенов вместе с их конями. Который слушался только самого Рейнара, и то не всегда.

Он послушался её голоса. И лёг. И уснул.

Рейнар смотрел на спящую женщину, и зверь внутри смотрел вместе с ним. Внимательно. С жадным, тёплым, сытым интересом.

Это неправильно, подумал Рейнар. Это ловушка. Кто ты такая?

Зверь не ответил. Только потянулся к ней снова.

* * *

Я проснулась от того, что на меня смотрели.

Это чувство знакомо любому дежурному врачу. Ты задремал на полчаса в ординаторской, и вдруг в дверях кто-то стоит, и ты просыпаешься раньше, чем он успевает открыть рот. Я открыла глаза.

Генерал смотрел на меня с подушки. В утреннем свете его лицо было бледным, осунувшимся, заросшим щетиной, но живым. Глаза ясные, тёмные. Никаких золотых искр. Только очень внимательный, тяжёлый взгляд.

Я выпрямилась. Шея затекла так, что хрустнула.

— Доброе утро, — сказала я хрипло. — Как вы себя чувствуете?

Он помолчал.

— Вы спали на моей кровати, — сказал он.

— На краю вашей кровати, — уточнила я. — Это разные вещи.

Уголок его губ дёрнулся. Как ночью. Совсем чуть-чуть.

Я не стала ждать ответа. Протянула руку и положила ладонь ему на лоб. Он замер, но не отстранился. Лоб был тёплый, влажный. Не горячий. Жар спал, наверное, до тридцати восьми, может, даже ниже. Потом я взяла его запястье. Пальцы привычно нашли пульс. Восемьдесят восемь. Ровный, полный. Хорошо.

— Повернитесь чуть-чуть. Нет, не на спину. Вот так, на бок. Мне нужно посмотреть повязку.

Он повернулся, сдержанно выдохнув сквозь зубы. Я отогнула край одеяла. Повязка намочка, но умеренно: розоватое пятно размером с ладонь, немного жёлтого по краям. Жгут работает. Отёк вокруг спал, это было видно даже под бинтами. Кожа выше повязки уже не багровая, а просто розовая.

— Отлично, — сказала я. — Просто отлично.

— Что отлично? — спросил он в подушку.

— Рана чистится. Жар уходит. Сердце бьётся ровно. Если ничего не случится, через неделю будете ходить, а через месяц забудете, где болело. Только шрам останется. Некрасивый, уж простите. Я не швея.

Он молчал. Потом спросил:

— Что это было? То, что вы вынули.

— Осколок наконечника. Чёрный, как стекло. Магистр назвал его мёртвым стеклом.

Генерал повернул голову. Медленно. Посмотрел на меня через плечо.

— Мёртвое стекло, — повторил он. Голос стал жёстким. — Хорвен видел?

— Видел. И сказал, что не почувствовал его, потому что мёртвое стекло для дара невидимо.

— Для дара невидимо, — повторил генерал. — Да. Для дара. Не для пальцев.

Мы смотрели друг на друга. Я видела, как он думает. Как в его тёмных глазах медленно складывается та же картина, которая сложилась у меня ночью.

— Где он? Осколок.

— У меня. Завёрнут в платок.

— Ларс!

Капитан подскочил на стуле, как ужаленный. Кружка вылетела у него из руки и покати-лась по полу. Бублик на одеяле открыл один глаз, посмотрел на капитана с бесконечным пре-зрением и снова закрыл.

— Милорд! Вы... вы очнулись! — Ларс шагнул к кровати, увидел лицо генерала и рас-плылся в улыбке до ушей. — Демоны меня побери, вы живы. Вы правда живы. Миледи, он живой!

— Я заметила, — сказала я.

— Ларс, — сказал генерал. — Миледи отдаст тебе осколок. Положишь в мой железный ларец, в кабинете. Ключ только у тебя. Никому не показывать. Хорвену — особенно.

Улыбка Ларса чуть потускнела. Он посмотрел на генерала, потом на меня. Потом кивнул.

— Будет сделано.

Я достала из кармана платок с осколком и отдала ему. Ларс взял его осторожно, как гадюку.

* * *

— А теперь, — сказала я, когда Ларс ушёл, — правила.

Генерал смотрел на меня так, будто я предложила ему станцевать.

— Правила, — повторил он.

— Да. Первое. Лежать. На правом боку или на животе. Не на спине: на спине жгутик будет пережиматься, и рана перестанет чиститься. Не вставать. Совсем. Даже если очень хочется. Даже если вам кажется, что вы здоровы. Особенно если вам так кажется.

— Я не...

— Второе, — продолжала я. — Пить. Много. Вода, в которую добавлены соль и мёд. Тильда знает, как. Кружка каждый час. Вы потеряли много воды с жаром, и почкам нужно работать, чтобы вывести из крови всю дрянь, которая туда попала.

— Мёд с солью, — сказал генерал с отвращением.

— Третье. Никакого укрепляющего отвара магистра. Ни капли. Никакого вина. Еда — бульон, каша, хлеб. Мясо потом.

— Почему никакого отвара?

Я помедлила.

— Потому что я ему не доверяю, — сказала я наконец.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Но ничего не сказал.

— Четвёртое. перевязки два раза в день. Утром и вечером. Делать их буду я. Никто не трогает рану, кроме меня. Жгутик выну на третий день, если всё будет хорошо. Швы сниму на десятый.

— Вы мне приказываете? — спросил генерал. Тихо. С каким-то странным выражением.

— Я вам назначаю, — ответила я. — Это другое.

— В чём разница?

— Приказ можно не выполнить и остаться в живых, — сказала я. — Назначение — нет.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. За окном каркнула ворона.

— Кто вы? — спросил он вдруг. Совсем другим тоном. Без иронии, без жёсткости. Про-сто спросил.

Сердце у меня ухнуло вниз.

— Ваша жена, — сказала я. И добавила, прежде чем успела подумать: — Временно.

Его брови поползли вверх.

— Временно?

Ну что ж. Раз начала.

Я села обратно на табурет, сложила руки на коленях и посмотрела ему прямо в глаза.

— Милорд. Я знаю, что вы обо мне думаете. Что меня навязал вам король. Что меня подослал граф Вейлс. Что я пишу в столицу доносы. Что вы терпите меня в своём доме, потому

что не можете послушаться указа. — Я перевела дыхание. — Я не стану вас переубеждать. Сейчас не стану. Просто... Я вам не нужна. Вы мне тоже. Мы с вами чужие люди. Нас связали лентой в храме, и мы разошлись в разные стороны. Я знаю, что брак по указу можно расторгнуть. Если союз не скреплён. Наш, как вы понимаете, не скреплён.

Генерал смотрел на меня, не мигая.

— Как только вы встанете на ноги, — сказала я, — подпишите прошение о расторжении. Отпустите меня. Я уеду. Не в столицу. Куда-нибудь, где смогу жить своей жизнью. И больше никогда вас не побеспокою.

Тишина.

Он молчал так долго, что я начала думать, не уснул ли он снова. Но нет. Он смотрел на меня, и на его лице было такое выражение, будто он решал задачу, у которой не сходилась ответ.

— Шпионка Вейлса, — сказал он наконец медленно, — не стала бы просить развода. Шпионке Вейлса нужно быть здесь. В моём доме. Рядом со мной.

— Возможно, — сказала я.

— А шпионка Вейлса не стала бы ночью резать мне спину, чтобы вынуть то, от чего я умирал. — Его голос стал тише. — Ей проще было бы подождать до утра. Как советовал Хорвен.

— Возможно, — повторила я.

— Так кто вы, леди Арианна?

Я встала.

— Лекарка, — сказала я. — Сейчас — только лекарка. Пейте воду, милорд. Я пришлю Тильду.

Я была уже у двери, когда он сказал мне в спину:

— Я не ответил на вашу просьбу.

Я обернулась.

— Посмотрим, — сказал генерал. — Когда я встану на ноги. Посмотрим.

* * *

Хорвен пришёл в девятом часу. При полном параде: зелёная мантия, перстни, аккуратно расчёсанная борода. За ним семенил мальчишка-служка с подносом, на подносе дымилась чашка.

Я как раз заканчивала первую перевязку. Генерал лежал на животе, закусив край подушки, пока я промывала рану солёной водой. Ларс сидел рядом и держал таз.

— Доброе утро, лорд-генерал, — сказал Хорвен. Голос снова бархатный, тёплый. — Какая радость. Я слышал, вам лучше. Позвольте, я проведу утреннее очищение и...

— Нет, — сказал генерал в подушку.

Хорвен запнулся.

— Простите?

Генерал повернул голову. Медленно.

— Ты не тронешь рану, Хорвен, — сказал он. — Ни ты, ни кто-либо другой. Только моя жена. Ты можешь приходить, если хочешь. Смотреть. Но руки держи при себе.

Я застыла с мокрой тряпицей в руке. «Моя жена». Он сказал это так просто. При Хорвене. Магистр стоял неподвижно. Улыбка на его лице держалась, но глаза стали холодными, как зимняя река.

— Как будет угодно лорду-генералу, — сказал он. — Но отвар...

— Отвара не надо.

— Лорд-генерал, вы ослаблены, укрепляющий сбор необходим для...

— Хорвен. — Генерал приподнялся на локте, и я увидела, как напряглась его спина под моими руками. — Я сказал: не надо.

Пауза. Мальчишка-служка с подносом переминался с ноги на ногу.

— Разумеется, — сказал Хорвен. Голос его был совершенно спокоен. — Тогда позвольте хотя бы взглянуть на осколок. Мёртвое стекло — редкая вещь. Гильдия будет благодарна за образец. Я хотел бы изучить его для...

— Осколок у Ларса, — сказал генерал. — Он останется у Ларса.

Хорвен перевёл взгляд на капитана. Ларс встретил его взгляд спокойно и чуть насмешливо.

— Под замком, магистр, — сказал он. — В надёжном месте.

Что-то мелькнуло в глазах Хорвена. Быстро, как рыба под водой. Мелькнуло и пропало.

— Как будет угодно, — сказал он в третий раз. Поклонился и вышел. Служка с подносом засеменил следом.

Когда дверь закрылась, генерал опустился обратно на подушку и выдохнул.

— Миледи, — сказал он глухо, — вы закончили?

— Почти, — сказала я, накладывая чистую повязку. — Потерпите ещё минутку.

— Терплю.

Ларс посмотрел на меня поверх его спины. В глазах у капитана плясали весёлые черти.

* * *

К полудню о ночной операции знала вся крепость.

Я поняла это, когда спустилась на кухню. Слуги, которые вчера шептались у меня за спиной, теперь замирали и кланялись. По-настоящему, низко. Девушка с вёдрами отступила к стене, пропуская меня, и сделала книксен, чуть не расплескав воду. Двое мальчишек-поварят застыли у двери и смотрели на меня, приоткрыв рты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.